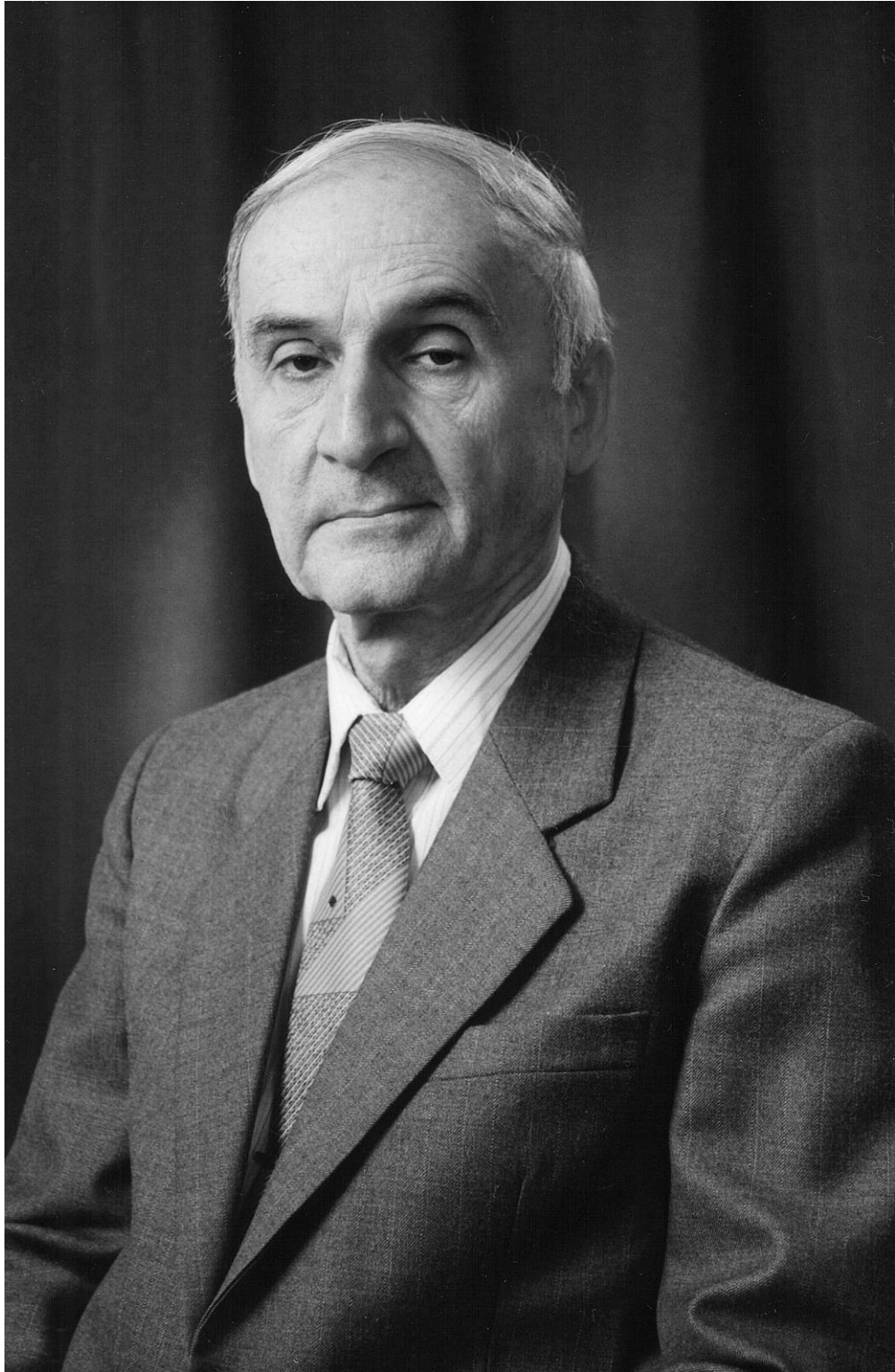

*Посвящаю моим родителям:
Татьяне Николаевне
Мелик-Бегляровой и
Гагику Александровичу Ниқияну*

Н.Т. Ниқиян

**МОЯ
РОДОСЛОВНАЯ**

Оренбург 2004

Предисловие

Идут годы. Старшие поколения сменяются молодыми. В памяти молодых поколений их отцы и матери остаются серьезными, отягощенными заботами, а деды и бабушки - немощными и больными. Они в представлении потомков как-будто никогда и не были пылкими юношами и очаровательными девушками. И так для большинства людей. О своих предках молодые знают очень немного.

Мне посчастливилось принадлежать к родам, выходцы из которых занимали заметные места в обществе. Их известность часто выходила за пределы узкого круга родственников. До меня дошли некоторые фотографии, разные истории и другие сведения. С течением времени я убедился, что являюсь носителем уникальной информации о своих близких, живших более века назад. Поэтому я решил обработать и систематизировать сведения, которыми обладаю. Я постарался описать, по возможности, личности предков, их отношения друг с другом, базируясь на имеющейся информации, но с минимальными домыслами. К сожалению, утеряны многие фотографии, различные документы того времени. Осталась лишь небольшая часть их. Используя эти остатки, а также рассказы бабушек, дедов, родителей, родственников и просто знакомых, я попытался составить генеалогические деревья наших родов, описания внешностей предков, их характеров и описать случаи из жизни.

Решение написать записки о наших ближних предках укрепилось после следующего случая. Три года назад мой сын Айк в поиске по Интернету нашел еще одного Нигияна (Александра), проживающего в г. Москве. Тот дал о себе небольшую справку. Айк и Александр никогда не знали друг друга и, возможно, так и не узнали бы, в каком родстве находятся, если бы не вмешался я. Оказалось, что Александр – сын двоюродного брата моего отца, Армена. Вот так по-

могла информация о родственниках, которой я располагаю. В оформлении данных записок участвовали мои сыновья Сергей и Айк, а также Кондрашова И. Спасибо им.

Записки адресованы нашим потомкам, а также молодым родственникам, и могут быть полезны специалистам, изучающим жизнь армян Закавказья в XIX и XX веках на примерах нескольких родов.

Введение

Старинный армянский город Гандзак («Сокровищница») в обширной области Арцах (Северная Армения) был известен уже в первом тысячелетии новой эры. В конце первого тысячелетия Северная Армения была захвачена Ираном и его татарскими вассалами, жившими в восточной части Закавказья в низовьях рек Куры и Аракса. В Гандзаке появилась мусульманская часть населения, официальным языком которого был фарси (персидский язык). Город стал называться Гянджа (исковерканное название Гандзака). Известен поэт Низами Гянджеви (гянджинский), который жил в XII веке. Он писал на языке фарси.

Город Гянджа расположен на небольшой реке Гянджа-чай, впадающей в реку Куру. Рекой город делится на две части: высокое Правобережье, где жили армяне и равнинное Левобережье, где жили мусульмане, в основном, азербайджанцы. В центре армянской части возвышается армянская церковь, построенная в 1632 году по указу иранского шаха Аббаса. Этим подарком армянскому населению шах хотел завоевать расположение армян. В азербайджанской части города возвышается мечеть с двумя башнями-минаретами, которые венчают шаровидные купола.

После заключения Туркманчайского договора 1828 года Арцах перешел под юрисдикцию России. Позже была образована губерния с центром в городе Гяндже, который теперь стал называться Елизаветполь. Это название просуществовало до Октябрьской революции, когда город был переименован в Кировабад («абад» по-ирански означает «город»). После распада Советского Союза городу было возвращено прежнее название Гянджа.

В 80-х годах XX века население города Кировабада составляло приблизительно 220 тыс. человек. Армянское население составляло

от 30 до 35 процентов. В 1988-1989 г.г. националистическая политика руководства Советского Азербайджана, вдохновляемого горбачевским руководством СССР, была направлена против армянского населения в Азербайджане. В результате армянское население городов Баку, Кировабада, а также множества городков и сел было вынуждено срочно оставить земли отцов и дедов и бежать в Армению и Россию. Всего за пределы Азербайджана выехали около 400 тыс. армян. Так город Гянджа стал мононациональным городом- азербайджанским.

Эта краткая история города приведена здесь для того, чтобы читателю были понятны различные названия одного и того же города Гандзак.

Моя мать, Татьяна Николаевна Мелик-Беглярова, происходила из старинного рода меликов в Арцахе. Ее отец, Николай Александрович Мелик-Бегляров, до октябрьской революции владел обширной территорией, практически совпадающей с Шаумянским районом в Советском Азербайджане. Матерью Татьяны Николаевны была Любовь Александровна из патриархального рода Гукасовых в г. Гяндже (при советской власти-г. Кировабад).

Мой отец, Гагик Александрович Никиян, происходил из известного патриархального рода Нигунц в городе Гяндже.

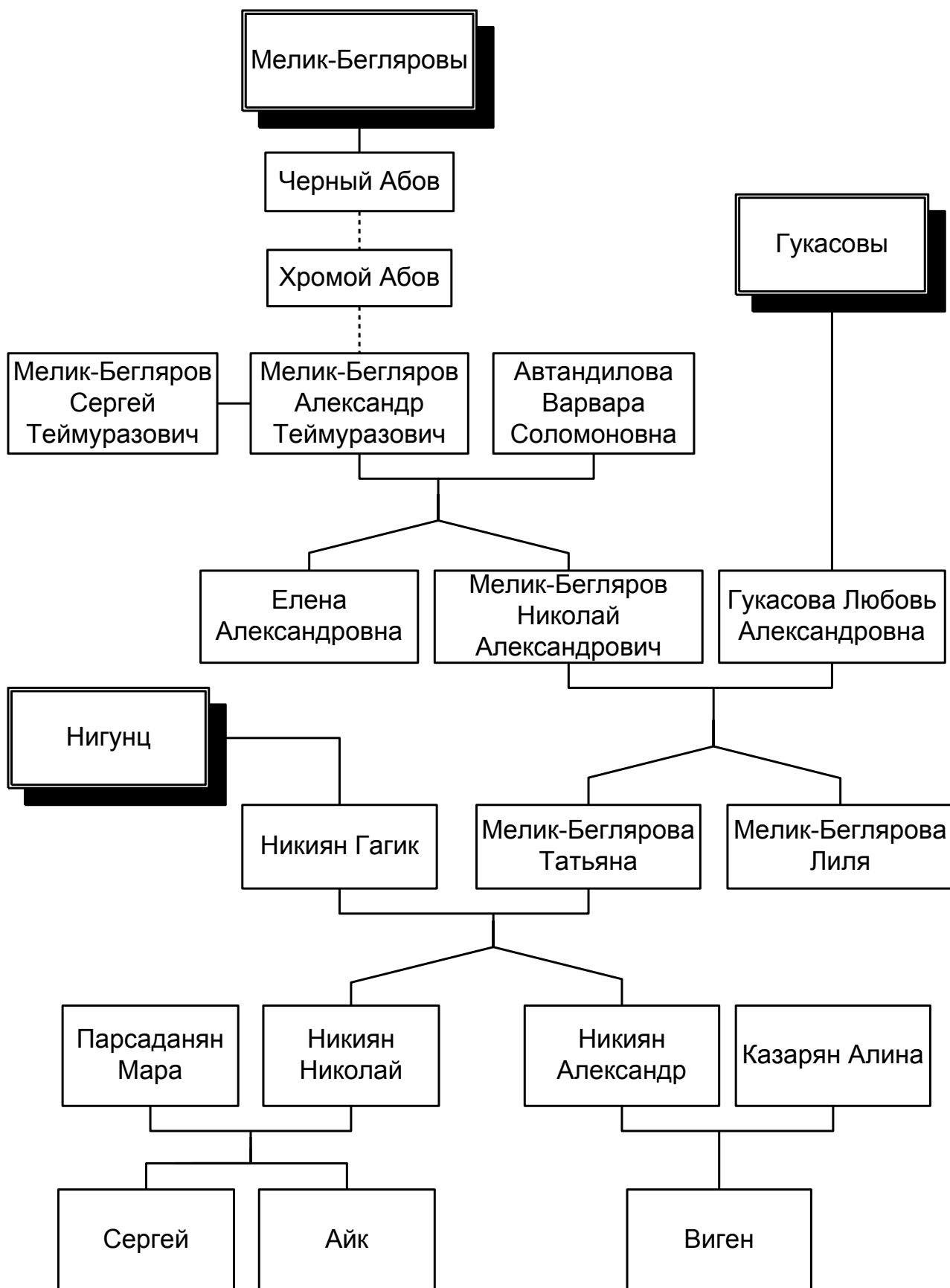

Рисунок 1 Связь родов Мелик-Бегляровых, Гукасовых и Нигунц

1 Род Мелик-Бегляровых

Исследования происхождения рода Мелик-Бегляровых выполнены известным армянским писателем XIX века Раффи в книге «Меликства Хамсы»/1/. Ниже приводится отрывок из этой книги. Автор пишет о Мелик-Бегларянах. Заметим, что Мелик-Бегляров это русифицированный вариант фамилии Мелик-Бегларян.

Происхождение Мелик-Бегларянов, владельцев Гюлистана¹.

Мелик-Бегларяны - коренные утийцы, из села Ниж. Какие обстоятельства принудили их оставить родину, перебраться в Карабах и поселиться в гаваре Гюлистан, - об этом история умалчивает. Известно только, что первый переселенец, которого турки называли «Ка-ра-юзбаши» («Черный сотник»), а армяне - «Черный Абов», был человеком не простым²: на своей родине он имел состояние и правил народом.

В начале шестнадцатого века этот «Черный сотник» внезапно появляется в Карабахе, совершенно обнищавший, имея с собой только семь семей и несколько животных, облегчавших трудности их пути. Вероятно, на родине на них обрушилось какое-то бедствие, в результате которого они оказались разоренными и изгнанными.

Очутившись в незнакомом им мире, они не имели ни места жительства, ни убежища. И хотя осенние холода уже наступили, они еще жили в палатках на левом берегу реки Тартар, неподалеку от нынешнего села Талыш.

Возможно, «Черный сотник» и хотел какое-то время оставаться в безвестности в новой стране, но неожиданный случай за-

¹ Согласно находящейся у нас рукописной истории, род Мелик-Бегларянов восходит к одному из древнейших царей Агванка – Аррану, жившему задолго до Христа. Это предположение нуждается в серьезной проверке.

² Предки всех меликов Карабаха носили титул «юзбаши». Этот титул обычно присваивался тем, кто был владельцем собственного края и имел право содержать войско.

ставил обнаружить себя. Однажды, когда его стадо паслось на лугу, на него напали разбойники и похитили животных. «Черный сотник» и несколько молодых людей, бывших с ним, бросились в погоню за похитителями. Они вернулись через несколько часов, ведя за собой не только украденных животных, но и самих похитителей.

На следующий день появилась другая группа всадников, которые, обратившись к «Черному сотнику», сказали, что они - люди хана Барды и им приказано схватить этих разбойников, наносящих огромный ущерб стране. И они весьма довольны, что разбойники схвачены без их участия. С этими словами они забирают разбойников и доставляют их к хану Барды, не сообщая тому, кто на самом деле задержал разбойников, чтобы самим получить награды хана.

Хан повелел казнить разбойников, а своих людей наградить за смелость. В этот момент главарь шайки говорит хану: «Накажите нас, как считаете нужным, ибо мы разоряли вашу страну. Но не оскорбляйте нас, вознаграждая этих ничтожных людей за совершенное ими, ибо не они одолели нас...».

Хан, выяснив, что его люди обманули его, приказывает доставить к нему «Черного сотника». Тот просит не награждать его за оказанную услугу, а лишь выделить ему как беженцу место для поселения. Хан передает ему в вечную собственность село Талиш, или Тариндж, в гаваре Гюлистан, возле монастыря Орек. О «Черном сотнике» известно лишь это. На камне, воздвигнутом на его могиле, находящейся возле упомянутого монастыря, высечена лишь одна строка, из которой видно, что скончался он в году 1081 армянского летосчисления (1632).

У Черного Абова было несколько сыновей, старший из которых - мелик Беглар - стал его преемником.

Мелик Беглар I наряду с мужеством своих предков обладал и умом. Он основал княжество меликов Гюлистана и, завладев новыми

территориями, расширил его пределы. Он захватил у бывшего местного правителя Абраама-юзбаши³ (Ибрагима-гявура) несколько деревень - Вери-шен, Нерки-шен, Эркедж и другие - и, овладев крепостью Гюлистан, восстановил эту неприступную твердыню и поселился там. Он оставил после себя двух сыновей: старший по имени деда был назван Абов, а младший - Тамраз (Теймураз).

После смерти отца ему наследовал старший сын - Абов II, который, поскольку его нога была повреждена пулей, известен также под именем Хромой Абов.

Хромой Абов, как и его дед Черный Абов, прославился своими успехами в сражениях. Грабеж, разбой, дерзкие набеги в то время не только не считались постыдным делом, но, напротив, воспринимались как необходимые достоинства, которыми должен был обладать правитель страны, чтобы держать в страхе окружающих его врагов. Этим качеств не был лишен и Хромой Абов. Все, что он имел, он приобрел с помощью грабежа... Он похитил даже свою жену, красавицу Камар-солтан.

Однажды, когда Абов со своими людьми направлялся с целью грабежа в сторону Гандзака, выше села Геташен, у деревни Дулуслу, в горах он наткнулся на кочевку хана Гандзака Мамада. Во время нападения он увидел дочь хана, которая вместе со своими «сорока» служанками проводила лето у пастухов своего отца. Красота девушки настолько пленила Абова, что он, забыв о тучных стадах Мамад-хана, похищает лишь его дочь. Абов в ту пору был неженатым молодым человеком. Это был красивый юноша, хотя и не могучего телосложения, смуглолицый, как и все потомки Черного Абова. Доставив свою прекрасную добычу в монастырь Аменапркич, находившийся неподалеку от крепости Гюлистан, он велел крестить ее и об-

³ Потомки Абраама-юзбаши и сейчас живут в деревне Гюлистан как простые крестьяне.

венчать их. Это похищение привело к нескольким кровопролитным схваткам между Абовом и ханом Гандзака, закончившимися поражением хана. Хан долго не мог примириться ни со своей дочерью, ни с самозванным зятем. Но к старости он смирился. И поскольку у него не было других наследников, кроме единственной дочери, то все принадлежащие ему села и богатство он оставил ей по завещанию. Благодаря жене Абов стал владельцем огромного состояния.

Абов II умер в 1728 году. После его смерти, согласно обычаю меликов, ему должен был наследовать сын - мелик Овсеп. Но поскольку мелик Овсеп был еще неопытным юношей, правление страной было поручено брату покойного Тамразу, и юный Овсеп должен был находиться под его опекой до совершеннолетия.

Своей резиденцией мелик Тамраз избрал дворец⁴, расположенный у монастыря Орек, и правил он не как временный опекун, а как полновластный хозяин страны. Это был человек жестокий и безжалостный. Замыслив полностью лишить Овсеп отцовского наследства, он начал последовательно разорять его, пока не довел до полной нищеты. Он даже намеревался лишить племянника жизни. Юный Овсеп жил вместе с матерью в крепости Гюлистан, и положение его было незавидным.

Как-то один из сборщиков налогов шаха Султан Хосейна визирь Атрпатакана Мирза-Тахир, собирая дворцовый налог, направлялся из Дербента в сторону Гандзака и Карабаха. Мелик Тамраз принял его у себя дома и, стремясь выслужиться перед персидскими властями, приказал собрать со своих подданных дополнительную дань. Помимо этого, он, чтобы подольститься к гостю, хотел вручить ему ценный подарок.

⁴ Развалины этого великолепного дворца сохранились и поныне. Они являются красноречивым свидетельством былой славы и могущества меликов Гюлистана.

«Ружье моего брата, - сказал он, - находится у моего племянника Овсена. Это редкое оружие достойно шахской сокровищницы».

Перс велит обманно призвать к нему Овсена и просит его принести ружье отца, якобы чтобы полюбоваться им. И когда Овсен приносит ружье, отбирает его со словами: «Это ружье достойно шахской сокровищницы, а не тебя».

Юноша со слезами возмущения на глазах возвращается к матери и рассказывает ей о случившемся. Мать в глубоком горе: ведь это заветное ружье - единственное, что осталось у нее от мужа, единственная память о его подвигах. Гнев сына еще более усиливается, когда он слышит упрек матери: «Недостойный сын храброго отца... Лучше бы мне принесли твой труп и сказали, что ты погиб, оставив память своего отца».

- Я верну ружье отца...- говорит сын и просит мать дать ему денег на покупку оружия. Мать отдает ему несколько золотых со своей головы.

Персидский сборщик налогов, собрав местную дань, взвалил ее на мулов и со своими слугами отправился в путь. Овсен с группой своих друзей-сверстников последовал за ним. Когда сборщик налогов вступил в узкое ущелье реки Тартар, Овсен подал сигнал к нападению. Он собственной рукой отсек персу голову и отобрал у него ружье отца⁵.

Золото, собранное со всех гаваров, стало добычей Овсена и его храбрых товарищей. Слуги же частью погибли, частью спаслись бегством.

Овсен, взяв с собой захваченные сокровища, укрепился в крепости Гюлистана. Его поступок остался безнаказанным, ибо, как мы увидим далее, в это время в Персии происходили важные события и

⁵ Наследники Мелик-Бегларянов продали это ружье за 1000 рублей генералу Ермолу, а тот отослал его в Оружейную палату С.-Петербурга.

перемены. Шах Султан Хосейн был смещен с престола, афганцы захватили столицу персов, и в этих обстоятельствах вряд ли кому было дело до события, происшедшего в Карабахе.

Овсеп, став обладателем богатства, начал укреплять свои силы. Он вступил в союз с меликом Атамом из Джраберда, отношения которого с его дядей меликом Тамразом были далеко не дружественными. Теперь Овсеп вознамерился не только отобрать у него власть над Гюлистаном, которую тот захватил силой, но и отомстить за все лишения и беззакония, которые творил его безжалостный опекун мелик Тамраз, когда он был еще несовершеннолетним. Объединившись с меликом Атамом, Овсеп напал на крепость мелика Тамраза. После нескольких дней ожесточенных боев крепость была взята и мелик Тамраз захвачен в плен. Овсеп приказал повесить его на платане⁶ и после этого сам начал править княжеством Гюлистан. После мелика Тамраза остался сын Сарухан-бек, который был одним из четырех храбрых военачальников, командовавших армянскими полками в 1723 году.

Мать мелика Овсепя, мудрая Камар-солтан, своими советами немало способствовавшая возвышению сына, умерла в 1753 году. Она была похоронена на родовом кладбище Мелик-Бегларянов, возле монастыря Орек.

Деда моего дедушки Николая звали Теймураз. Отец дедушки, Александр Теймуразович (Саша-бек), получил образование уже в России.

Брат Саша-бека, Серги-бек (Сергей Теймуразович), получил юридическое образование в Санкт-Петербургском университете. Это был невысокий, очень энергичный человек. Свою энергичность и по-

⁶ Этот древний платан, называемый «кровавым», и сегодня показывают на границе Гюлистана и Джраберда.

движность он так объяснил своему собеседнику, человеку высокого роста и медлительному:

– Пока у тебя кровь в жилах сделает один оборот, у меня она обернется пять раз!

Он судился со своим соседом (по-видимому, за землю) и при этом отказался от адвоката. Сам вел свое дело в суде и выиграл его.

Мне неизвестно, были ли дети у Серги-бека.

Отец моего деда, Саша-бек, был приветливым и добрым человеком. Так же, как и Серги-бек, он не взимал оброка с крестьян, если те оказывались в тяжелом материальном положении (альманах «Андес» 1909г., г. Тифлис).

1.1 Николай Александрович Мелик-Бегляров (Коли-бек)

Мой дед родился в октябре 1882 года в родовом имении в селе Ханагах (при советской власти с. Гюлистан Шаумянского района Азербайджанской ССР). О раннем детстве деда мне ничего не известно. Мать - Варвара Соломоновна Автандилова происходила из дворянского армянского рода в Грузии. Получила образование в г. Тифлисе.

Дед учился в русской классической гимназии в г.Тифлисе.

Стихи тифлисских гимназистов (конец XIX века):

«Эй ветер – ветрило!

Не дуй мне в рыло,

Подуй мне в зад-

Буду тебе рад!»

Он не любил греческий и латинский языки, но любил физику. Я видел его аттестат зрелости, по физике была высокая оценка. Правила в гимназии были строгие. Провинившихся гимназистов оставляли в запертых классах, где они должны были учить уроки. Дед рассказы-

вал, что классным надзирателем у него был невысокий пожилой преподаватель Дорофеев. При появлении среди гимназистов изрекал: «Ать, ать, ать!». А когда вызывал родителей провинившегося гимназиста, то заявлял:

– Ваш сын - сукин сын!

Родители деда жили в доме, находившемся в районе Сололаки (аристократический район Тифлиса, возвышающийся над Эриванской площадью). Бывало, барчуки шалили и бросали с крыши дома мятые помидоры в прохожих и городского. Барчуки – это Коля и двоюродные братья Асламазовы и другие. Асламазовых в шутку называли Ослонатираловы. У них была сестра Лиза. Впоследствии Елизавета Константиновна преподавала русский язык Гале (Ляле) Аваловой, дочери тети Зюльфи Гукасовой. Елизавета Константиновна была знающей и очень строгой учительницей. Она так и не вышла замуж, но удочерила девочку из сосланной немецкой семьи по имени Шарлотта. Шарлотта вышла рано замуж за рослого парня, армянина, по имени Оваким. Родила дочку и сына. В 80-х годах два раза приезжала к нам в Ереван.

По окончании гимназии Коля Мелик-Бегляров поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет (по дворянской традиции). Но учеба ему не понравилась – все те же нелюбимые греческий и латинский, зубрежка кодексов. К тому же гнилой петербургский климат. Поэтому Коля оставил университет и поступил в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию в г. Москве (ныне Тимирязевская академия). Здесь многие учебные дисциплины были ему по душе.

Окончив академию, он вернулся в родной Ханагах, где с удовольствием занялся вопросами сельского хозяйства. Особенно его интересовали коневодство и плодоводство. Коля интересовался успеха-

ми разведения лошадей на конезаводах России. У себя в имении имел и разводил лошадей разных пород.

В Ханагяхе был громадный плодовый сад (16 десятин, т.е. около 30 гектаров), где произрастали разные сорта яблок, груш, слив, винограда и т.п.

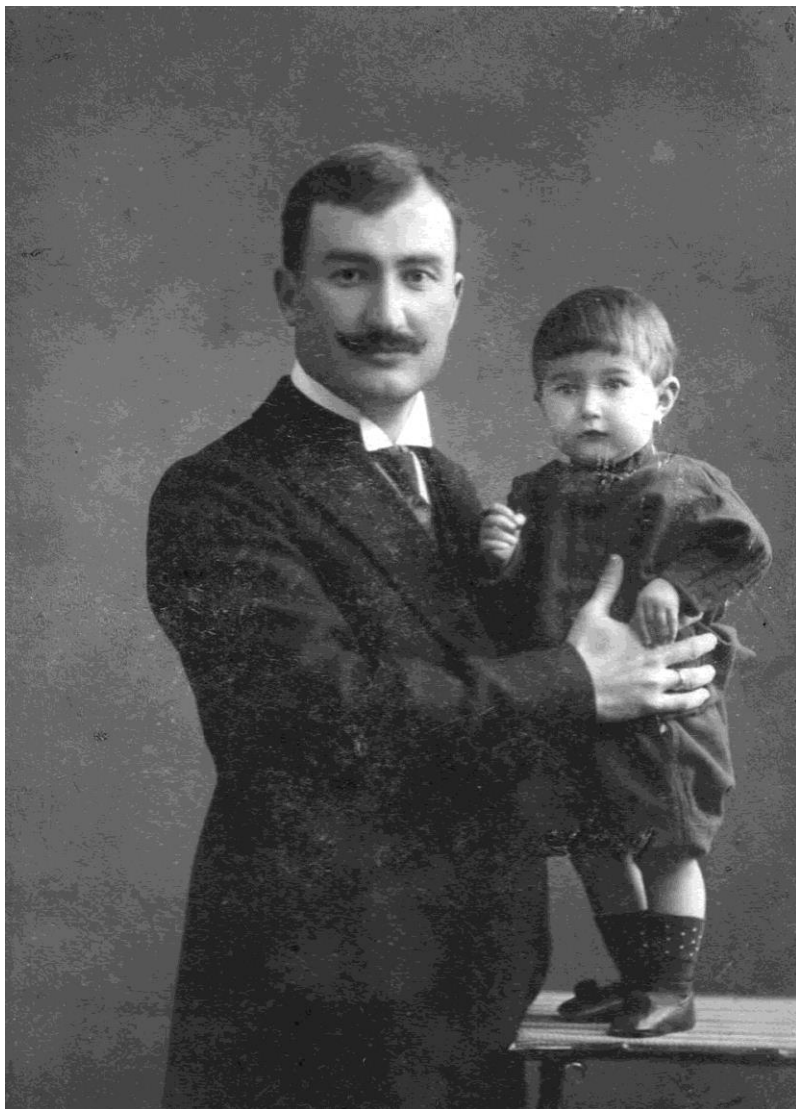
В 1912 году на Всероссийской сельскохозяйственной выставке за представленные образцы антоновских яблок Николай Александрович получил малую золотую медаль. Следует сказать, что к этому времени он был владельцем большого состояния. Дело в том, что в первые годы XX века (ориентировочно) он сделался «наследником всех своих родных». К прямому наследству от отца добавилось наследство от родственников, которые не имели наследников. Николаю Александровичу принадлежали 24 деревни («Йирмидёрд») и прилегающие к ним пашни и луга, а также Тальшский лес (возле села Тальши), село Тодан (при советской власти Тоданлы) в районе озера Гёк-гёл, табун из более чем сотни лошадей, стадо из несколько сотен голов крупного рогатого скота, а также отары мелкого рогатого скота.

Дед Николай был самым богатым помещиком – армянином в Азербайджане.

Вскоре после замужества бабушки Любы в гости к Мелик-Бегляровым в с. Ханагах приехал её брат Коля Гукасов. Гостю, естественно, был оказан радушный приём и зять показал ему ближайшие владения. Под вечер сидели на балконе барского дома, мимо проходила отара овец с пастбища, пастух (заранее предупрежденный посланцем деда Коли) заиграл на свирели знакомую мелодию. Это очень понравилось гостю, а богатством Мелик-Бегляровых он был просто потрясен. Об этом он рассказал близким.

У бабушки был новый фотоаппарат «Кодак», которым она много фотографировала, сама проявляла и печатала фотографии. Интересно, что печатание фотографий с негативов производилось под

солнечным светом. Бабушка рассказала мне об этом, когда я учился фотографировать аппаратом «Фотокор-1».

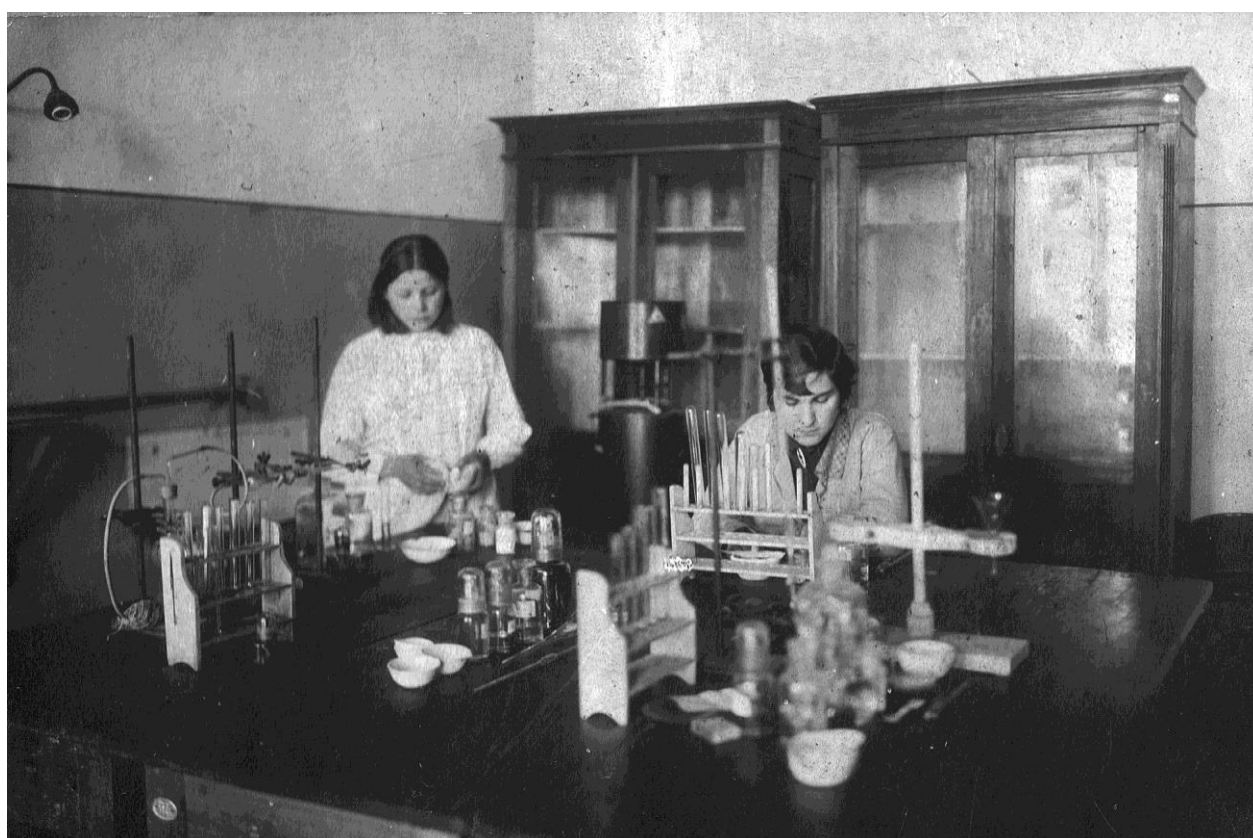
Николай Александрович Мелик-Бегляров с дочкой Лилей. 1915 г.

Любовь Александровна Гукасова с дочкой Лилей, 1914 г.

Лиля и Таня. 1917 год

Таня Мелик-Беглярова, лаборант АзСХИ, 1932 г.

Лиля Николаевна
Мелик-Беглярова 1949 г.

Татьяна Николаевна Мелик-
Беглярова 1950 г.

На обороте фотографии подпись:
«Нашему дорогому, любимому папоч-
ке Гагику. От Тани и сына Кокочки»,
28.09.42 г., г. Кировабад

Татьяна Николаевна
Мелик-Беглярова 1946 г.

Николай Александрович Мелик-Бегляров с женой и внуком Колей,
г. Кировабад 1954 г.

Татьяна Николаевна с внуками Сережей (в центре) и Айком,
г. Ереван, 1981 г.

В доме бабушки при советской власти сохранилось несколько больших фотоальбомов, которые я, будучи мальчиком, многократно просматривал.

Дед Николай в детстве мог разговаривать по-французски. В последствии в совершенстве владел литературным русским языком, причем без акцента, свободно говорил по-татарски (по-азербайджански), много лет помогал мне выполнять школьные задания на азербайджанском языке. Естественно, свободно владел родным армянским языком, точнее, его региональным диалектом, который отличался от гянджинского и карабахского диалектов.

Внешне дед Николай был красивым белокожим розовощеким мужчиной с темнокаштановыми волосами и карими глазами. Носил всю жизнь усы. Одежда – визитка, брюки «галифе», обувь – сапоги (в молодые годы – ботинки с гетрами).

Как и подобает мужчине был немногословен, смел. В жару и ненастье подолгу находился в седле. Был здоровым человеком, болел очень редко. Любил порядок и частоту.

Дед Николай не принял Октябрьскую революцию. Когда начиналась смута, близкие советовали ему продать владения и эмигрировать с семьёй за границу. Но он страстно любил свою землю, свои сады и своих лошадей и не хотел расставаться с ними. С другой стороны он, возможно, чувствовал, что за границей, на чужбине, ему не будет нормальной жизни. Он верил, что пройдет смута и все вернётся на круги своя. Это вселяло в него надежду на будущее и, по-видимому, придавало силы в его многолетних скитаниях во времена советской власти. Многие подробности его жизни того периода я узнал от бабушки и мамы.

С 20-х годов вплоть до 1947 года дед работал в восточных районах Азербайджана и Дагестана (Куба, Закаталы, Хачмас, Буйнакск, Дербент), в районах по течению реки Куры (Евлах, Са-

мух) и к югу от неё вплоть до Карабаха. Условия были тяжелые: отсутствие семьи, элементарных удобств, нормального питания. Нужно было отмечаться в местных отделах милиции, как бывшему помещику, находящемуся под наблюдением НКВД.

В этих условиях мог существовать и выжить только очень здоровый психически и физически, выносливый человек. Каковы были санитарные условия в Дагестане, показывает следующий факт. Пастухи боролись со вшами следующим образом: новую нательную рубашку они варили в бараньем жиру, затем вывешивали рубашку на дереве, чтобы ветер подсушил жир. После такой обработки рубашку одевали на голое тело и носили её, не снимая, до полного износа. А вши питались не телом хозяина, а бараньим жиром. Таким образом, подобная мера не ликвидировала, а отвлекала вшей.

В одном из азербайджанских сел дед Николай снимал как обычно комнату в крестьянском доме. Как-то приехав, домой под вечер, он слез с лошади и, будучи усталым, решил прямо лечь в постель. Откинул одеяло. И тут на него из-под одеяла взвилась змея (как позже оказалось, ядовитая). Дед схватил плетень для лошади и хлестал змею до тех пор, пока та не издохла.

Как-то дед все-таки приехал к семье в Кировабад из-за болезни (мне тогда было 3-4 года): от холода на затылке выскочили сразу несколько фурункулов. Дед очень страдал от боли. Лечиться пришлось долго.

В 1947г. деду Николаю разрешили проживать в городе, и он стал работать в ветеринарном пункте привокзального района г. Кировабада. Но, сделав послабление, НКВД хотело привлечь его к сотрудничеству, т.е. заставить стать агентом и доносить на неугодных режиму людей. Дед категорически отказался, несмотря на угрозу высылки, как его собственной семьи, так и семьи дочери Тани.

«Куратор» (из НКВД) вызывал деда поздно вечером и «беседовал» с ним, угрожая нередко пистолетом. После таких «бесед» дед по ночам не мог спать и метался во сне. Тогда ему было 65 лет. Но всё-таки пришлось согласиться с выданным заданием. Надо было «изучить» появившегося недавно в «Заказотделе» (мастерская индивидуального пошива по ул. Джапаридзе г. Кировабада) нового портного, еврея, по фамилии Клепель. НКВД подозревало, что Клепель является шпионом. Деду дали это задание потому, что он был из «бывших» и Клепель мог пытаться его завербовать. По указанию «куратора» дед познакомился с Клепелем и стал приглашать домой. Так мы познакомились с ним. Это был невысокий полноватый мужчина лет 50, с густыми, расчесанными на пробор, совершенно седыми волосами. Говорил он учтиво с акцентом, целовал ручки женщинам и называл их «мадам». Наши женщины в разговорах между собой называли его «Шпендель», он выдавал себя за человека, бежавшего от геноцида из Германии. Время шло, но Клепель ничем не выдавал себя. Вскоре он исчез. Много позже мы узнали, что Клепель всё-таки оказался американским шпионом.

После войны Советское государство проводило непонятную политику в отношении армян. Советская пропаганда рекламировала за рубежом счастливую жизнь армян, живущих в Советской Армении. В Советский Союз, в Армению потянулись караваны армян-репатриантов со всего мира. Государство оказывало помощь репатриантам. Им выделяли ссуду для строительства жилья. В Армении выросли первые коллективные частные двух- и трехэтажные дома.

В тоже время в 1949 году начался очередной всплеск ссылок в Сибирь и на Алтай. Ссылали армян-коренных жителей Советского Союза, ссылали и репатриантов. Семью нашего соседа Симона Карташева, бедняка, многодетного немолодого человека выслали за

участие в церковном хоре. На сборы дали всего два часа. Симон взял с собой только кирку и несколько лопат.

Высылали по ночам. Бабушка и дед ожидали своей очереди. Уложили вещи в мешки, связали в большие узлы. Но счастье нам улыбнулось, за нами не пришли. Причина милости заключалась, по-видимому, в том, что мой отец был ветераном войны и орденоносцем.

Семья репатрианта Григора Тифтикчяна была сослана на Алтай. Много лет спустя после реабилитации глава семьи рассказывал мне, что в Алтайском леспромхозе он с удивлением обнаружил пустые, не разграфленные, амбарные книги, которые ожидали своего заполнения фамилиями прибывающих в ссылку. Всё это было заранее спланировано.

Сталин вынашивал идею заселить армянами Алтай, выселив их из Армении и Азербайджана, а территорию Армении, по-видимому, поделить между Грузией и Азербайджаном. Эту идею он высказал Католикосу всех армян Чорекчяну, чтобы узнать его мнение. Католикос выразил несогласие, сказав, что земля Армении священна для армян и армяне её не оставят. Разговор с вождём, по-видимому, сильно повлиял на престарелого Католикоса. Вскоре он умер. К счастью, идея вождя осталась не выполненной.

Вскоре не стало и самого вождя. Народ был в растерянности, многие плакали. Ведь советская пропаганда внушала, что Сталин – сверхчеловек, а тут – обычный конец тирана. Начались перемены, люди почуяли запах свободы. В эти годы я часто общался с дедом Николаем. Он меня очень любил. В молодости он мечтал иметь сына – наследника своих владений. Природа не подарила ему сына, однако не стало и владений. Но на склоне лет у него был внук, похожий на него лицом и носящий его имя. Он старался выполнить мои желания. А моей страстью были самолеты. Недалеко от места

работы деда находился аэродром. Мы с ним ходили туда, и я часами мог смотреть, как взлетали и садились пассажирские и легкие самолеты. Дед терпеливо ждал, пока я насмотрюсь.

В школе он помогал мне выполнять домашние задания по азербайджанскому языку: придумывал предложения, помогал составить небольшой рассказ. Иногда ко мне приходили друзья за помощью в выполнении таких заданий. Дед Николай помогал и им.

У деда были знакомые, общество которых он очень любил. Один из них – Василий Федорович Карпушин, бывший дворянин из России, страстный и знающий охотник. Высокий мужчина с усами.

Другим – был Юлий Романович Земель, немец, брат известного в городе Тифлисе владельца аптеки на Головинском проспекте (ныне проспект Руставели). Юлий Романович брил голову и носил большие висячие усы. Он жил, если не ошибаюсь, в селе Марксовка (поселение немецких колонистов возле станции Акстафа Азербайджанской ССР) и иногда приезжал к деду. Они весь вечер пили чай и беседовали до позднего вечера. Затем Юлия Романовича укладывали спать на большом сундуке в доме бабушки.

Всю жизнь у бабушки Николая было профессиональное увлечение лошадьми. Дед их очень любил. У него осталась небольшая библиотека по коневодству и сельскому хозяйству. Помню капитальный труд известного специалиста Урусова (если не ошибаюсь, князя) «Книга о лошади», а также большой сельскохозяйственный справочник. Были и другие ценные книги, ставшие библиографической редкостью. После кончины деда, тетя Лиля подарила их моему старому товарищу Лёне Полякову. Только он мог оценить этот подарок, так как уже был зоотехником, кандидатом сельскохозяйственных наук и преподавал в АзСХИ (Азербайджанский сельскохозяйственный институт). Позже стал заведующим кафедрой кормопроизводства для крупного рогатого скота.

Дед Николай считал, что лошадиный транспорт лучше автомобильного. И он был прав, пока автомобили были несовершенными, а дороги им подстать. Однако после войны качество автомобилей и дорог заметно повысилось. Несколько раз его возили на автомобиле «Победа» и он пришел к выводу, что автомобиль все-таки лучше лошади.

Раннее детство моего брата Шурика пришлось на преклонный возраст деда. Шурик рос подвижным говорливым мальчиком, а дед Николай очень переживал, что тот может упасть и повредить себя.

После ухода на пенсию у деда было много времени для воспоминаний и раздумий. На него нахлынули переживания, ухудшилось здоровье.

В августе 1959 года Николай Александрович Мелик-Бегляров скончался. На его похороны пришло много людей: армян, азербайджанцев, русских. Плакали не только женщины, но и мужчины. Многие вспоминали его лучшие годы и последующие тяжелые дни и страдания.

Похоронили его возле родственников жены Любы на кладбище в городе Кировабаде.

1.2 Лиля Николаевна Мелик-Беглярова

Старшая дочь Николая Александровича и сестра моей матери. Родилась летом (в июле) 1914 года в с. Ханагах. Раннее детство Лили (и Тани) прошло в барском доме под присмотром нянь, гувернантки и бонны (учительницы немецкого языка). Во времена смуты девочки вместе с семьей испытывали все тяготы жизни. Лили и Таня учились в одном классе школы №8 г. Кировабада.

После окончания школы тётя Лиля работала препаратором, затем лаборантом в АзСХИ. Во время войны она училась на плодо-

овощном факультете АзСХИ, но окончить не смогла из-за слабого здоровья. Многие годы она проработала в родильном доме г. Кировабада на должности медицинского статистика. Её ценили и уважали коллеги и врачи. Она так и не создала своей семьи. Всю жизнь она находилась рядом с родителями, а в их преклонном возрасте ухаживала за ними вместе с моей матерью Таней.

В последние годы своей жизни она страдала от болезней, нажитых в сырых помещениях на службе и дома. Скончалась Лиля Николаевна в апреле 1982 года. Её похоронили рядом с могилами отца и матери. Тетя Лиля очень любила меня и наравне с мамой принимала живое участие в моих делах и воспитании. Она была мне второй матерью.

1.3 Татьяна Николаевна Мелик-Беглярова

Моя мама родилась в родовом имении своего отца (с. Ханагях) 19 декабря 1915 года. Она хорошо помнила свою няню, простую русскую женщину, её некоторые афоризмы мама произносила много лет спустя. Кроме няни у мамы были гувернантка и бонна.

После Октябрьской революции, когда рухнула империя, власть в Закавказье перешла в руки местных национальных элит. В Азербайджане власть принадлежала представителям националистической партии «Мусават», интересы армянской части населения защищала партия «Дашнакцутюн», партия коммунистов была немногочисленной. Появились отряды вооруженных людей, выдававших себя за революционеров, на деле же это были бандиты, грабившие зажиточных людей, независимо от их национальности.

Так продолжалось до 1920 года, когда в Азербайджан, а затем и в город Гянджу, вступила 11-я Красная Армия. Была установлена

Советская власть. Членом Реввоенсовета армии был С.М. Киров, в честь которого назвали город Гянджу.

Ещё до установления Советской власти в Азербайджане семья Мелик-Бегляровых, спасаясь от погромов, оставила родной Ханагах и переехала (с приключениями) в город Гянджу. Здесь поселились в старом гукасовском доме на Дондуковской улице (при Советской власти – ул. С. Шаумяна).

Дочери Лиля и Таня стали учиться в 8-ой русской школе. Таня была здоровенькой живой девочкой и нередко играла в мальчишечьи игры (по понятиям того времени). Прошло несколько лет, начались гонения на «бывших», моего деда лишили права голоса, а дочек – Лилю и Таню – исключили из школы. Благодаря знакомству их удалось устроить в железнодорожную школу на вокзале. Это в трех километрах от центра армянской части города, и девочкам (им тогда было не более 11-12 лет) пришлось ездить в школу на «кукушке» (так называли небольшой поезд с паровозиком, ходивший по городской железной дороге).

После окончания восьми классов (тогда были восьмилетки) Таня поступила на рабфак (рабочий факультет – разновидность вечерней школы), а днем работала препаратором в лаборатории Азербайджанского сельхозинститута. В 1936 году она решила поступить в медицинский институт в г. Баку. К этому времени Таня превратилась в симпатичную девушку: средний рост, белая кожа, нежный румянец на щеках, серо-голубые глаза, волнистые каштановые волосы. Имела, естественно, немало поклонников. Она выехала из родного города и в поезде познакомилась со своим будущим мужем и моим отцом Гагиком Никияном, врачом, который, ехал в город Баку на курсы усовершенствования врачей. Это, возможно, для Тани был первый самостоятельный выезд, который стал судьбоносным. Таня поступила в Азербайджанский мединститут. Молодые

люди продолжили знакомство в столице, а в декабре 1936 года поженились. В сентябре 1937 года родился первый сын (то есть я), которого назвали Николаем в честь деда Николая Мелик-Беглярова. Маме стало не до учебы, она взяла отсрочку и окунулась в семейную жизнь. Жили в г. Кировабаде в большом родительском доме Нигиянцев. Несмотря на небольшой жизненный опыт, маме удалось убедить мужа иметь отдельную от родственников квартиру, дабы заблаговременно положительно решать вопросы отношений со всеми родными. Отец любил свою молодую жену и старался выполнять все её желания. Так появилась отдельная комната в доме №49 по улице С. Шаумяна, рядом с домом, где проживала семья Мелик - Бегляровых. В этих двух домах и прошли мои детство и юность. Мужа, Гагика, ещё в 1939 году призвали в Красную Армию в качестве военного врача, поэтому в семье он появлялся редко. С 1941 и до конца 1945 года мама совершенно не видела мужа, который находился в пекле войны на самых трудных участках. Несмотря на лишения военного времени, мама продолжила учебу в АзСХИ. Домашние хлопоты и заботы по воспитанию мальчика взяла на себя бабушка Люба.

В 1944 году мама закончила институт. Ей, как семейной и жене фронтовика, предложили для работы место в городе в пищевой лаборатории на центральном рынке. Можно было бесплатно иметь каждый день около литра молока. Мама колебалась в выборе: ей не очень хотелось работать на рынке. И тогда она спросила меня, хочу ли я пить молоко каждый день. Я обрадовался такой возможности. Для мамы вопрос был решен.

Затем мама некоторое время работала в клинко-диагностической лаборатории Центральной поликлиники под руководством опытного врача Гейбовича. Её нравилась работа в лаборатории, и она стала изучать лабораторное дело по литературе. Маме

оказывала практическую помощь известной в городе врач-лаборант Антонина Матвеевна Кротченко. В течение многих лет мама с благодарностью вспоминала о ней. С конца 40-х годов мама стала заведовать клинико-диагностической лабораторией Центрального родильного дома в городе. Здесь она проработала всю оставшуюся жизнь, вплоть до 70-х годов. В городе она была известна как специалист лабораторного дела. К ней нередко обращались для получения объективных результатов анализов.

В 1952 году в семье родился второй сын – Александр. Естественно, что все внимание матери и отца было направлено на уход за ним и воспитание. Второй сын по нраву и характеру существенно отличался от первого сына. Да и времена были новые. Всё это требовало от мамы значительно больших усилий, чем для первого сына.

Мама была увлекающимся человеком, немного романтичным. Несмотря на груз забот семейных и служебных, она интересовалась медициной, жизнью и деятельностью ученых физиологов: Луи Пастера, Ильи Мечникова, Ивана Павлова. Я дарил ей книги о них.

Мама была приветливой женщиной, радушной хозяйкой дома. Поэтому очень часто к нам заходили гости и устраивались вечерние чаепития. Вместе с тем бразды правления находились у мужа. Мать ничего существенного не предпринимала без его согласия. Интересно, что такие принципы сочетались с властным характером Татьяны Николаевны. По словам сестры Лили в этом Таня унаследовала черту характера своей бабушки Варвары Соломоновны Автандиловой, матери Николая Мелик-Беглярова.

Весной 1982 года ушли из жизни мой отец Гагик Александрович и сестра мамы Лиля Николаевна. Мама осталась одна в доме. Чтобы отвлечь её от грустных мыслей, я и брат по очереди забира-

ли её пожить у нас – в Ереване и Владикавказе. Но маму всегда тянуло в свой, хоть и опустевший дом.

Заканчивались 80-е годы, набирали темп горбачевская перестройка и политическая нестабильность внутри СССР. Обострились отношения между прежними братскими республиками Закавказья – Арменией и Азербайджаном. Особенно досталось армянам, проживающим в Азербайджане. В 1988 году была организована резня армян в г. Сумгаите. Горбачевское руководство мстило армянам, проживающим в Азербайджане, за непокорность Армении, стремящейся выйти из состава СССР. В первой половине 1989 года в городе Кировабаде прокатилась волна погромов армянских кварталов и домов. Армяне спешно покидали свои дома, зачастую построенные отцами и дедами.

В декабре 1988 года в Армении произошло сильнейшее землетрясение с эпицентром в г. Спитаке. Были разрушены города Спитак (полностью), Ленинакан, Кировакан и множество сёл. По официальным данным погибли 25 тыс. человек. В действительности жертв было значительно больше. А в это время из Азербайджана в Армению бежали десятки тысяч армян, спасаясь от геноцида. И всё это происходило в конце просвещенного двадцатого века!

Ехать в такую Армению маме не имело смысла. Поэтому мой брат Шурик вывез её на своей машине к себе во Владикавказ. По дороге пришлось преодолевать сопротивление азербайджанских боевиков. Брат имел во Владикавказе просторную трехкомнатную квартиру и жил там только вдвоём со своей второй женой, так что маме должно было быть там спокойно и комфортно. Однако отношения с невесткой не сложились, и мама пожелала переехать ко мне в Ереван. Напрасно я убеждал её переждать зиму (стоял декабрь 1991 года), так как в зданиях не работало отопление, и практически не было электричества, были трудности с хлебом. Но мама

настояла на своем, и я привез её в холодный и темный в ночное время Ереван. Намучившись несколько месяцев с нами в холодной и темной квартире (не было в продаже керосинок, керосиновых ламп и керосина, вообще), мама вернулась во Владикавказ к сыну Шурику. Однако в начале лета 1992 года она вернулась в Ереван с провожатым. Её без того слабое здоровье ухудшилось. Она скончалась на моих руках 12 июля, на 76-м году жизни. Я потерял маму, до сих пор не могу забыть её последних дней. Похоронили её в Ереване на кладбище «Шаумян-2».

Татьяна Николаевна была последним представителем Николаевской ветви рода Мелик-Бегляровых. Она была преданной женой, любящей и заботливой матерью, часто давала мне полезные практические советы. Её светлый образ я бережно храню в своей памяти.

1.4 Другие родственники Н.А. Мелик-Беглярова

Мне известны только некоторые родственники дедушки Николая.

1. Мелик-Беглярова Анна Иосифовна, двоюродная сестра деда. Если не ошибаюсь, её отец был родным братом Саша-бека. Анна Иосифовна была замужем за доктором Тер-Азарьевым Александром, известным в Кировабаде врачом. У них было три сына: Константин (Котик), Иосиф (Осик) и Михаил. Дом Тер-Азарьевых находится на улице Шаумяна, немного выше недействующей церкви («егеци дур»).

Родители Анны были небогатыми людьми, поэтому особым гонениям Анна не подвергалась. Дед Николай иногда встречался с ней.

Доктор Саша Тер-Азарьев был колоритной личностью. Хорошо одевался, носил фетровую шляпу и ходил по улице, немного задравши нос. Имел частную практику и жил, не нуждаясь. Имел даже любовницу, шляпочницу Катю. Я видывал её мальчишкой. Вспоминая теперь, могу сказать, что это была симпатичная женщина. Она не скрывала своей связи с доктором Тер-Азарьевым, его фотография висела на стене в доме Кати.

Доктор Тер-Азарьев был разговорчивым человеком, за словом в карман не лез. Однажды на прием к нему пришел крестьянин с жалобами на боль в прямой кишке. Доктор установил, что у больного геморрой и прописал необходимые лекарства. Расплачиваясь за визит больной, заметил с недовольством:

– Ми ангам матэт вэрс эс кохел у дра хамар 50 манет пити там!

Дядя Саша (его так называли мои близкие) откликнулся немедленно:

– А шан тга, кез 100 манетэм талис, матэт вэрэс к кохэс?

– Че!

– Дэ кори кена.

Сын Тер-Азарьевых Котик был офицером, служил в Сибири. В расцвете сил он утонул в реке Енисей.

Сын Осик окончил Азербайджанский индустриальный институт и стал инженером-механиком. Стал доктором технических наук, профессором, и работал зам. директора НИИ камня и силикатов в Ереване. Был научным консультантом журнала «Промышленность Армении» в 70-80-х годах. Затем перешёл на работу в ЕрПИ и долгое время был заведующим кафедрой «Автомобили, строительные и дорожные машины и оборудование». Сам Иосиф Александрович является специалистом по обработке камней. Его сын Григорий также стал доктором наук, был директором камнеобраба-

тывающего завода в поселке Нурнус (в 30 км от Еревана). Гриша не нашел общего языка с новыми правителями независимой Армении, и его пытались преследовать. В этой связи Иосиф Александрович просил меня разведать, есть ли в г. Оренбурге возможность для работы сына по специальности. Однако работы не нашлось. К счастью, в скором времени, к руководству Республики Армения пришли новые люди, и ситуация вокруг Нурнусского завода успокоилась.

Помимо сына Григория, у Иосифа Александровича есть также дочь. Одного из внуков зовут Осик (он приблизительно ровесник моего Сережи).

Сын Анны Иосифовны, Миша, жил в отцовском доме. У него есть сын Сергей (Серенький) и дочь. Сын всегда плохо учился в школе, и родители вытягивали его за уши. Дальнейшая жизнь и судьба ветви Тер-Азарьевых мне неизвестна.

Доктор Александр Тер-Азарьев являлся дальним родственником Леона Макаровича, мужа Анны Александровны Гукасовой, сестры моей бабушки Любы.

2. Мне известны другие родственники деда по линии его матери. В 1947 году мы с бабушкой Любой совершенно случайно познакомились с семьей Ротинян, приехавшей в город Кировабад. Муж – Ротинян Леон Александрович, профессор кафедры химии АЗСХИ, жена Люся Александровна Автандилова, двоюродная сестра деда Николая, и внук Мишка (1938 г.р.), сын единственного сына Сандрика. Семья Ротинянов до 1937 г. жила в Ереване, а Леон Александрович был профессором химии Ереванского политехнического института. В 1937 году Леон Александрович был сослан в Казахстан (или на Урал, точно не знаю) по неизвестной причине. В 1946 году ему разрешили вернуться в Закавказье в один из провинциальных городов. В Кировабаде семья Ротинян жила в ведом-

ственном доме работников АзСХИ по улице Крылова (недалеко от нас). Там же жили несколько знакомых нам семей. Например, семья Гашимова Идриса (метеоролога), сын которого Рафик был моим другом в школьные годы.

Тете Люсе тогда было за 60 лет, после неудачной операции у неё слезился глаз.

Леон Александрович имел интеллигентный внешний вид, усы и бороду клинышком. Глаза были на выкате после болезни щитовидной железы. У нас сохранилась групповая фотография, где Леон Александрович запечатлен со своими друзьями, братьями Орбели – Иосифом и Леоном.

Академик Иосиф Абгарович Орбели – известный археолог, хранитель Государственного эрмитажа в г. Ленинграде, первый президент Армянского филиала АН СССР (АрмФАН).

Академик Леон Абгарович Орбели – ученик академика И.П. Павлова, известный физиолог, генерал – лейтенант медицинской службы.

Л.А. Ротинян, как бывший ссыльный, не имел права жить в одном городе более трех лет. Ему предложили выбрать другое место жительства, и он выбрал г. Чебоксары. В 1949 году семья Ротинянов уехала из Кировабада, связь с ними вскоре оборвалась. Через много лет в конце 60-х годов в Ереван приезжала делегация ученых из Ленинграда. Возле политехнического института я издали увидел среди группы людей высокого совершенно седого старика. Его вели под руки. Это был Леон Александрович Ротинян. Гости сели в автомашины. Я не успел близко подойти к Леону Александровичу.

Единственный сын Леона Александровича Сандрик, по специальности химик, был женат на Гюльаре Нурибековой из знатного дворянского рода татар (азербайджанцев), с отдельными представителями которого были хорошо знакомы мои дед и бабушка.

Гюльара была инженером – металлургом. Однажды группа инженеров контролировала строительство и поднялась на самый верх доменной печи. Неожиданно произошел обвал конструкций, часть группы, в том числе Гюльара, погибли.

Мишу, сына Сандрика, взяли на воспитание дед и бабушка. Когда мы познакомились, Мише было 9 лет. Это был смышленный, очень живой мальчик, смуглый с жесткими черными волосами. Он учился на «отлично» и обожал футбол, мог играть с утра до вечера.

Много лет спустя, в начале 80-х годов, в доме Казаряна Степана Леоновича, доцента кафедры ЭМА ЕрПИ, я познакомился с его двоюродным братом Аветикяном Георгием Барсеговичем (Жорой), который был доцентом кафедры химии Ленинградского технологического института. Заведующим этой кафедрой был никто иной, как Александр Леонович Ротинян (Сандрик).

В июле 1986 года я находился в Ленинграде, встретился с Жорой. Он показал мне свою кафедру. К сожалению Александр Леонович Ротинян был на даче. Я не смог с ним встретиться. Зимой 1992-93 г.г. я снова ездил в Ленинград и уж на этот раз решил обязательно встретиться с Александром Леоновичем, но... оказалось, что он уже умер. По данным Аветикяна Г.Б. на той же кафедре работает доцентом сын Александра Леоновича, Аладжалов Левон Александрович. Но с ним встречаться я не видел смысла. Я искал Мишу Ротиняна. Но Георгий Барсегович его не знал.

2 Род Гукасовых

Представители рода были чиновниками, военными и средними буржуа. Известным мне родоначальником рода был Александр Васильевич Гукасов, отец моей бабушки.

Александр Васильевич был полковником инженерных войск, специалистом по топографии. До меня дошли различные его инструменты по топографии: циркули, измерители и т.п., изготовленные в Германии. Я видел в доме бабушки его фотографию, подкрашенную художником.

Это был светловолосый голубоглазый мужчина, верный слуга царя. По свидетельству очевидцев, когда умер царь Александр III («миротворец»), Александр Васильевич горько плакал и ударялся головой о стену своего кабинета.

Его мать (или сестра) Семирамида (бабушка Семира) жила в г.Тифлисе и имела непосредственное родственное отношение к дяде Сергея Юльевича Витте, министра финансов, а затем премьер-министра при царе Николае II. О том, что дядя С.Ю. Витте проживал в г. Тифлисе, говорится в газете «Труд» /2/.

Таким образом, род Гукасовых был непосредственно связан родственными узами с высшим чиновничеством страны. О бабушке Семире и её родственной связи с семейством Витте мне говорила не только моя бабушка Люба, но и тётя Зюльфи, дочь Н.А. Гукасова.

Женой А.В. Гукасова и матерью бабушки Любы была Мария Ивановна, урожденная Протопопова. Представляют интерес сведения о её родителях.

Отец, Иван Петрович Протопопов, армянин, служил царским сборщиком налогов (середина XIX века). Часто со своими стражниками объезжал подданную территорию.

Как-то раз в Дагестане он увидел выехавшую со слугами на прогулку дочь местного хана Эдиль-Гирея Эрбелинского, Джаваир. Девушка была хороша и очень понравилась Ивану Петровичу. Вскоре он организовал с помощью своих стражников похищение ханской дочери и немедленно отвёз её в церковь, где и обвенчался с ней. Ханские слуги разыскивали похитителя и, наконец, нашли его вместе с Джаваир в церкви. Но дело уже было сделано – Джаваир приняла христианство, и венчание закончилось. Джаваир стала Анной Спиридоновной Протопоповой. Первое время ей было очень трудно в доме мужа, она не знала языка. Но потом все наладилось.

В доме бабушки до недавнего времени хранилась фотография Анны Спиридоновны. На фотографии почти во весь рост изображена красивая женщина лет 30÷35 с толстыми черными косами поверх белого пеньюара и в белом чепце. Лоб покатый, взгляд надменный спокойный.

Похоронена она на кладбище в г. Елизаветполе. (г. Кировабад). На памятнике высечено:

«Анна Спиридоновна Протопопова, урожденная Эдильгиреева Эрбелинская в Дагестане. 1818-1882г.».

Дочь И.П. Протопопова Мария (родственники называли ее «Машенька») знала несколько языков: армянский, грузинский, татарский и русский. Она была мудрой и приветливой женщиной. После смерти мужа, А.В. Гукасова, она жила в доме Гукасовых в г. Гяндже. Свои последние годы жила вместе с семьёй своей младшей дочери Любы. В преклонном возрасте читала и шила без очков. Свое мнение о старости она выражала так: «Даже собака, и та не должна стареть». Скончалась она в 1927 году, узнав о смерти своего любимого сына Коли в г. Падуя, Италия. Нам неизвестны братья и сестры Марии Ивановны.

У И.П. Протопопова были родственники по отцовской линии. Одним из их потомков был Мартирос (дядя Марди), который на правах родственника заходил часто к нам и беседовал с дедом Николаем, называя его «песа» (зять). Он имел двух дочерей и сына по имени Наполеон. Дядя Марди жил отдельно от детей, получал небольшую пенсию и подрабатывал на частных заказах по слесарному делу.

У А.В. Гукасова и Марии Ивановны было 6 дочерей и сын: Варя (самая старшая), Наташа, Соня, Коля, Лиза, Анна и Люба (рис. 2).

1. Варю выдали замуж за Векилова (впоследствии генерала). Из их детей мне известен Сергей (Сережа), бравый офицер-гусар. Семья жила в г. Баку.

2. Наташу выдали замуж за Степана Тер-Исраеляна, владельца книжных магазинов в г. Тифлисе. Мне известно, что у них родились дети Жоржик, Анаит, Лусик и Аршалуйс. Анаит и Лусик не вышли замуж, но дожили до глубокой старости. Дядя Аршалуйс стал известным в Грузии врачом-втизиатром. Долгое время был главврачом санатория для легочных больных в Либани (Грузия). Он был женат на Наташе Ивановой. Детей у них не было. О Жоржике мне ничего не известно.

3. Соня вышла замуж за врача Фаталова Семена. Фаталовский дом существует и по сей день в г. Гяндже. При советской власти в нем располагался центральный родильный дом по улице Шаумяна. Там много лет проработали мама (Таня) и тетя Лиля.

У Фаталовых родились три сына: Давид, Гурген и сын, имени которого я не знаю. Тетя Соня умерла ещё в молодом возрасте от неудачного аборта, который сделал ей муж. Гукасовская родня была настроена резко против Семена, а дядя Коля (брат Сони) даже пытался его убить.

В начале 20-х годов Давид уже жил в Москве и работал в ЧК. По-видимому, под его влиянием переехал туда в 1928 году и Гурген с семьей. Дядя Гурген стал работать также в ЧК, но по финансовой линии. В начале 60-х годов, живя в Москве, он разыскал мою тетю Лилию и стал с ней переписываться. В 1963 году я несколько месяцев находился в Москве на курсах переподготовки офицеров запаса и посещал семью Паталовых. Жена дяди Гургена Алиса (тётя Аля), немка, происходила из немецкой колонии Еленендорф (под г. Гянджой). При советской власти колония стала называться Ханларом. Сведения, приведенные ниже, получены от дяди Гургена.

Давид Паталов был видным мужчиной и имел любовниц. Как-то он шел по улице с новой любовницей и, надо же было случиться, чтобы навстречу вышла прежняя любовница. Между соперницами произошла неловкая беседа, вылившаяся в стычку. Несмотря на увещания Давида, соперницы не унимались. Тогда Давид засвистел в свисток, который носил при себе, вызывая милиционера. И лишь после этого соперницы унялись.

Дядя Гурген был ласковым и любящим отцом и мужем. У них с тетей Алей родились три сына: Толя, Женя и Олег. Семья Паталовых получила коммунальную квартиру в здании работников ЧК в доме 18 по улице Кропоткинской. Паталов Анатолий, 1925 г.р., стал морским офицером и плавал на подводной лодке на Балтийском флоте (по-видимому). Он с семьей тогда (1963г.) жил в г. Ленинграде и поддерживал слабую связь с родителями.

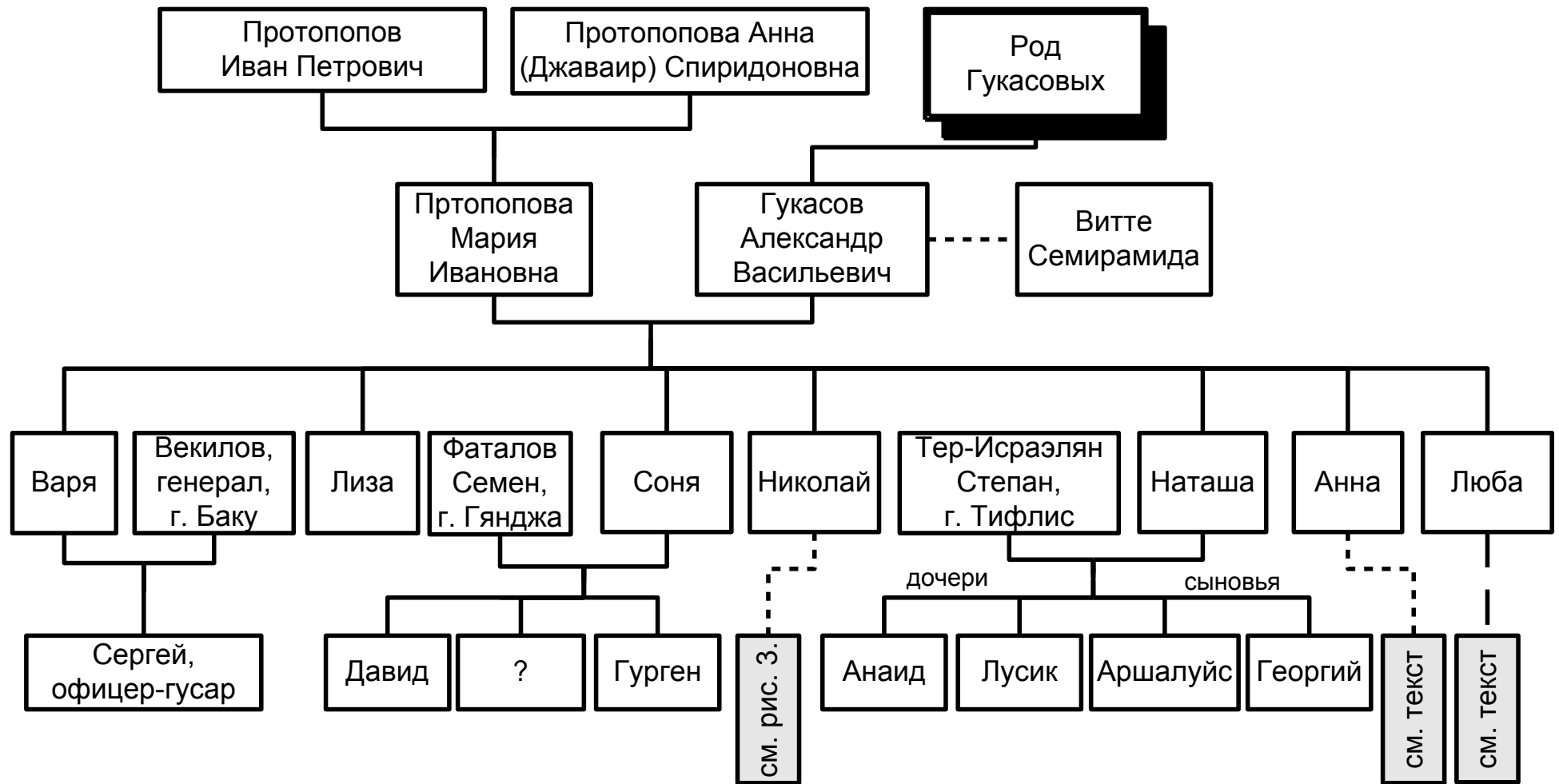

Рисунок 2 Род Гукасовых

Паталов Евгений, 1927 г.р., окончил Высшую школу милиции и в период нашего знакомства был майором, начальником 107-го отделения милиции Фрунзенского района г. Москвы. Мне довелось побывать у него на работе. Он женат, дочь зовут Мила (Людмила).

Женя – мужчина среднего роста, волосы волнистые. Лицом очень похож на мать: небольшой острый нос, брови вразлет. Женя сделал хорошую карьеру. В конце 60-х – начале 70-х был заместителем начальника МУРа по особо тяжким преступлениям. Он отличался тем, что умел быстро раскрыть преступление и через несколько часов арестовать преступника. Другим заместителем начальника МУРа в то время был генерал (комиссар милиции третьего ранга) Алексей Экимян, получивший известность как композитор лирических песен.

Вскоре Евгения Паталова назначили начальником областного УВД Кировской области. Работа была трудная – большое количество тюрем с заключенными (бывшие Вятские остроги) и условия Севера.

В 1974 году генерал Паталов был назначен министром внутренних дел Армянской ССР. Работа была не из легких: незнание языка и необходимость ладить с высшим руководством.

Мой брат Шурик со школьных лет стремился к работе в милиции, но поступил учиться в Ереванский университет на филологический факультет, который окончил в 1977 году. Учась на старших курсах, Шурик пытался заручиться протекцией Е. Паталова, чтобы тот помог устроиться на работу в систему МВД. Евгений Гургенович действовал очень осторожно, по-видимому, опасаясь скомпрометировать себя. Но всё-таки помог. Через начальника УВД Северного Кавказа Шурик получил место в ОВД г. Ессентуки.

В конце 70-х годов Е.Г. Паталов возвращается в Москву на должность заместителя начальника академии ВД. Его дочь Мила в

то время вышла замуж за армянина из Карабаха Гоняна (спортсмена, борца).

Младший сын, Паталов Олег, 1932 г.р., очень мягкий по характеру и добрый парень, окончил институт легкой промышленности в Москве. К моменту нашего знакомства в 1963 году он ещё не был женат. Вместе с дядей Гургеном и Олегом мы посетили мавзолей В.И. Ленина.

Вскоре Олег женился на ловкой девице Жанне, сильной физически (она занималась греблей), которая родила сына Диму, симпатичного кудрявого малыша. Семья Олега жила вместе с родителями, которые очень любили внука. На горе близким у мальчика обнаружилось белокровие. Он умер в возрасте 8 лет. Особенно горевал дядя Гурген. Одну комнату родители превратили в комнату памяти Димы. Они и слышать не хотели о том, чтобы заиметь второго ребенка. Вскоре умер и дядя Гурген. Связь с Паталовыми у меня прекратилась.

В июле 2000-го года я был в Москве и пошел по известному адресу. Оказалось, что Паталовы переехали на другую квартиру. Новые жильцы адреса не знали.

4. Предпоследняя дочь Гукасовых Анна (тетя Аничка) была невысокого роста и красотой не отличалась. Её выдали за Леона Макаровича Тер-Азарьева, происходившего из мелкопоместных дворян. Это был самоуверенный хвастливый человек, любящий приврать. При советской власти они жили по улице Шаумяна, несколько выше пересечения с улицей Ленина. Их дети Александр (Толя), Светлана (Ляля) и Сергей.

Сын Толя в юности любил играть в футбол, был остроумным, но любил вино. Он женился на русской девушке Гале, которая родила ему сына Лёву. После развода Толя имел то жен, то любовниц,

сделал растрату на работе и, в конце концов, застрелился из охотничьего ружья.

Дочь Ляля была маленького роста. По возрасту старше моей мамы. В юности носила мужскую кепку. Это было тогда модно. Говорила с апломбом и любила прихвастнуть и прибавить, как отец. Тем не менее, это была моя первая учительница, о которой я вспоминаю с теплотой. Вскоре её назначили директором начальной школы №14, которую я окончил.

У Светланы Леоновны была единственная дочь Таня (Татик), её отец Герасим умер от заражения крови. В конце 80-х годов она приезжала из Кировабада ко мне в Ереван для оформления документов, необходимых при получении пенсии. Сын тёти Анички Сережа не обладал интеллектуальными способностями, необходимыми для получения образования, но был физически здоровым и работал рабочим.

Внук тёти Анички и сын Толи Лёва учился со мной в 5-м классе. Это был полноватый мальчик с грубоватым голосом. Тер-Азарьевы считали, что его нужно воспитывать в духе самостоятельности. Однако это привело к тому, что школу он не окончил и уехал на Украину к матери. Через много лет я узнал, что Лёва стал шофёром-дальнобойщиком и погиб при столкновении автомашин.

Профессор химик Левон Александрович Ротинян (слева) с академиками братьями Орбели: Левонем Абкарловичем, физиологом (в центре) и Иосифом Абкарловичем, археологом.

Лиза Гукасова,
одна из сестер Любы

Люба Гукасова,
г. Тифлис, 1907 г.

Любовь Александровна Гукасова с дочерьми Лилей и Таней,
г. Тифлис, 1921г.

Сильва и Зюльфи Гукасовы, племянницы Л.А. Гукасовой, 1925г.

Ляля (Галя) Авалова и Коля Никиян,
г Тбилиси, 1950г.

Галина Гургеновна Кирьянова
(Авалова) на отдыхе, 1970г.

Зюльфи Николаевна Гукасова с внучкой Наташей на руках, сидят
Карина и Нораир Бадамович Тер-Акопян, г. Москва, 1968г.

Полноценных носителей фамилии семья Тер-Азарьевых не оставила.

О жизни и судьбе Лизы, сестры бабушки Любы, мне ничего не известно. Некоторые сведения о жизни брата, Николая Александровича Гукасова, изложены в отдельном разделе.

2.1 Николай Александрович Гукасов

Родился в 1870-х годах. Любимый сын родителей и брат многочисленных сестёр. Учился в русской гимназии в г. Гяндже. Корпуса бывшей гимназии располагались напротив Центральной поликлиники по улице Джапаридзе (в советское время). Будучи гимназистом прилежанием и примерным поведением не отличался.

Рассказывают такой эпизод во время пребывания Николая Александровича в гимназии. Рядом располагался дом генерала. На балконе принимала воздушные ванны его жена. Заметив это, юный гимназист стал направлять солнечный зайчик на генеральшу. Та стала менять место и позу, но безуспешно – зайчик достигал её всюду. Генеральша пожаловалась мужу, проказник был найден и наказан.

Мне неизвестно, какое образование получил дядя Коля (Николай Александрович) после гимназии. В зрелом возрасте это был предприниматель, часто выезжавший из Закавказья. Он имел паром на Каспии, бывал членом акционерных обществ. Пытался создать акционерную компанию для строительства трамвайной линии Гянджа – Еленендорф (г. Ханлар) длиной 8 км. Рассказывают, что одним из учредителей должен был стать некий Альшевский, человек в возрасте. Однако в последний момент он отказался от участия в деле. Раздосадованный Николай Александрович подал другому компаньону телеграмму: «Альшевский оказался ста рымпер дуном»

(нецензурные слова почта не принимала). Самому ненадежному компаньону Николай Александрович подал телеграмму: «Вспоминаю Вашу маму».

Внешне дядя Коля был красивым мужчиной: хороший рост, белая кожа, голубые глаза, правильные черты лица, усы и борода клинышком, бритая голова. Он имел успех у женщин и знал в них толк. Его первой женой была красавица полячка Валерия Александровна Декапрелевич (тетя Валя), сестра известного участника Цусимского сражения, впоследствии морского волка. От этого брака родились дети: Александр, Сильва и Зюльфи. Впоследствии тетя Валя изменила мужу с его же дальним родственником Женей Меликовым. Брак распался. Дядя Коля женился во второй раз на русской красивой женщине Александре Федоровне. От второго брака детей не было. Я видел фотографии обеих жен, а Женю Меликова видел живым, стариком.

Дядя Коля был хлебосолом и остроловом. Он был хорошо знаком с гянджинской знатью. Рассказывают, что как-то дядя Коля стоял у своего дома с друзьями. По улице проезжал верхом на коне известный аристократ Джангир-хан, человек с большим животом. Дядя Коля и Джангир-хан обменялись приветствиями. Затем дядя Коля спросил:

– Ты часто видишь своего франц-иваныча?

Окружающие рассмеялись.

– Я его давно не видел, но когда ты увидишь, передай от меня привет, – парировал Джангир-хан.

Излюбленным местом летнего отдыха зажиточных армян-гянджинцев было село Мурут (16 км от Гянджи). На дачу ездили семьями, с домашним скарбом и слугами. Дядя Коля снял для семьи дом.

Рассказывают, что как-то стоял он на балконе, а внизу на веревках сушилось постиранное белье, в том числе женское. Мимо проезжал на ослике местный священник. Он не заметил стоявшего на балконе дядю Колю, схватил сохнувшие панталоны жены и произнес эмоционально:

– А где же тело?

– Дома. Позвать? – ответил дядя Коля.

Смущенный священник, не говоря ни слова, ретировался.

Моя бабушка, Любовь Александровна, была любимой младшей сестрой дяди Коли. Он помогал в её воспитании и учебе и в одну из поездок взял её с собой. Так Любовь Александровна побывала в Варшаве, которая до революции была в составе Российской империи.

Дядя Коля не принял Октябрьскую революцию и уехал в Италию, где поселился в городе Падуя. Здесь он надеялся переждать смуту. Но время шло, деньги кончились, и он перешел на самую дешевую пищу – макароны. В письме к матери, Марии Ивановне, он писал, что съел макарон так много, что их хватило бы, чтобы соединить Падую с Гянджой. В 1926 году дядя Коля умер в эмиграции. Узнав об этом, мать не прожила и года.

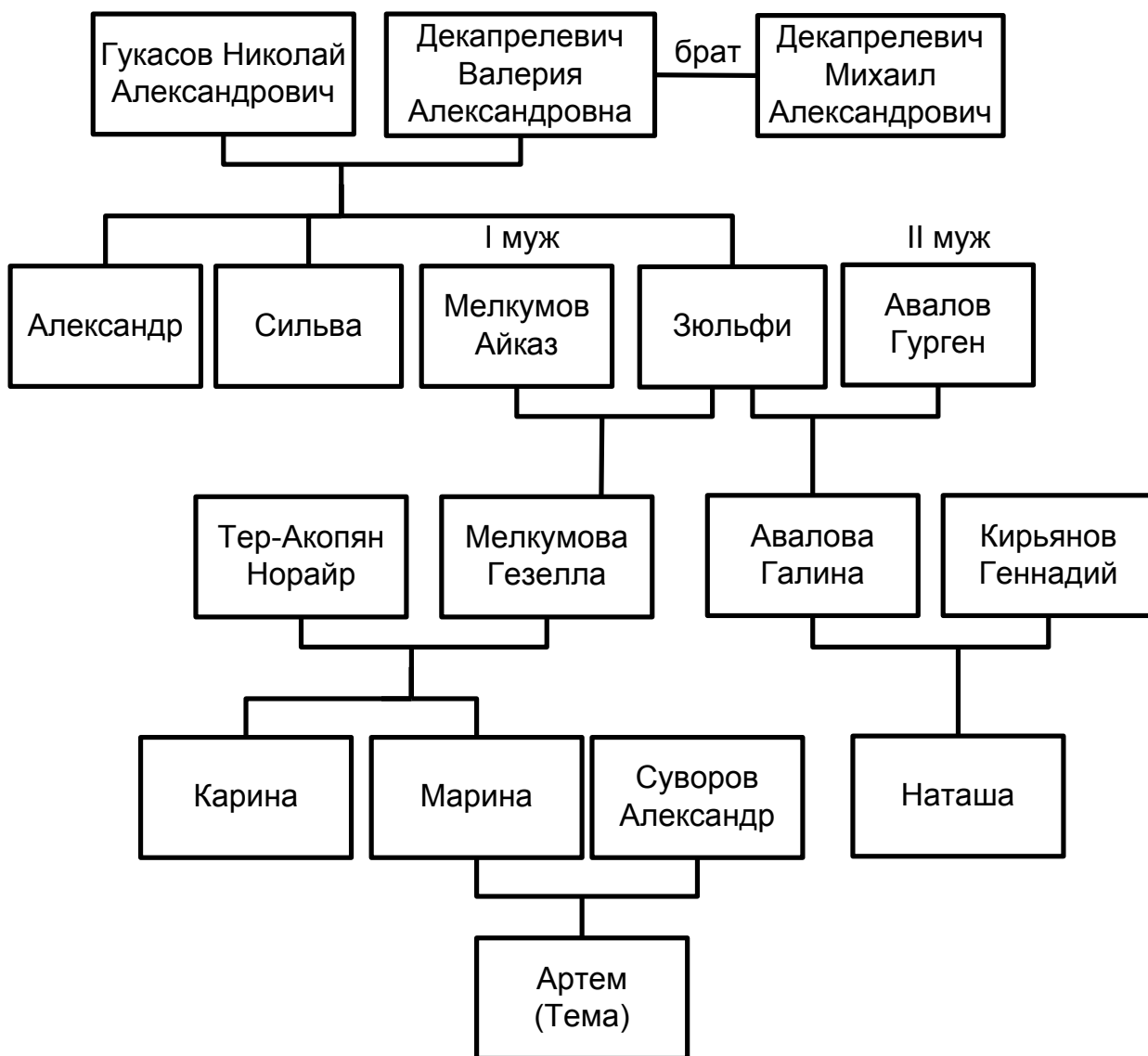

Рисунок 3 Семья и потомки Николая Гукасова

2.1.1 Потомки Н.А. Гукасова

Александр Николаевич Гукасов (Шура), сын Николая Александровича, окончил институт путей сообщения и в 1912 году (если не ошибаюсь) уехал за границу, в Бельгию, где долго жил в городе Льеже. Женился он на еврейке, которая подарила ему сына Николая (Нику). У нас была фотография, где мальчик 4-5 лет снят со своими игрушками. О других детях А.Н. Гукасова мне неизвестно.

Тетя Зюльфи (младшая из дочерей Н.А. Гукасова) долгое время переписывалась с братом Шурой, что в советское время было необычным явлением. Шура умер в середине 70-х годов. Сильва Николаевна Гукасова замуж не выходила. В начале 20-х годов она жила в Москве и неожиданно для родственников покончила с жизнью. Говорят, что в этом деле неблагоприятную роль сыграл Тер-Азарьев Левон Макарович, муж Анны Гукасовой. Зюльфи Николаевна Гукасова (1903 г.р.) в юности была симпатичной привлекательной девушкой (судя по фотографиям). Её первым мужем был Айказ Мелкумов, от которого она родила в 1925 году дочку Гезеллу. С Гезеллой (Геллой), моей троюродной сестрой, я познакомился в 1955 году в Тбилиси в доме родителей её мужа Норика (Норайра Бадамовича Тер-Акопяна). В Тбилиси мы поехали с тётёй Лилей после окончания мною школы. Мне было полезно встретиться с компетентными людьми, чтобы определить, в какой ВУЗ и в каком городе целесообразно поступить. Отец Норика, Бадам Тер-Акопян, заявил: «Армянин должен поехать учиться в Армению!»

Позже я узнал от Норика, что отец происходит из Гянджи, но долгое время жил и работал в потребкооперации в Средней Азии. Это был серьёзный и вдумчивый человек. О Норике и его семье будет рассказано несколько позже.

Вторым мужем тётёи Зюльфи был Авалов Гурген, родом из Гянджи. Служил в НКВД. Среднего роста, с открытым волевым лицом и, по-видимому, с таким же характером. От этого брака родилась дочь Галя (Ляля), моя хорошая и любящая родственница.

Следует отметить, что тётёя Зюльфи обладала также крутым характером и командовала впоследствии в домах своих дочерей Геллы и Ляли. Такой характер был, по-видимому, причиной распада и второго брака, с Гургеном Аваловым. Но Гурген был хорошим отцом и даже после развода с женой приходил проведать свою

дочь, часто в сопровождении любимой охотничьей собаки по кличке Дженни. В последствии собакам, которые жили в семье Ляли, неизменно давали эту кличку.

В конце 50-х годов тётя Зюльфи переехала в Москву и стала жить в семье Геллы, которой нужно было помогать в уходе за детьми. Гелла вышла замуж в 1950 году. В 1951 году родилась дочь Карина, а в 1956 году – дочь Марина. К тому времени Гелла уже была кандидатом медицинских наук и работала под руководством профессора Сперанского. Впервые я посетил их в Москве в 1961 году, когда они жили в доме на Беговой улице и имели комнату в общей квартире. Муж Норик, кандидат исторических наук, работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Вскоре он получил отдельную квартиру в доме на Ленинском проспекте. Теперь это престижный район в Москве. Как-то полушутя, Норик в беседе со мной заметил, что не может выяснить, кто является главой в доме – он, или тётца (это подтверждает мои соображения, приведенные выше).

В 1964 году вышла замуж младшая дочь тёти Зюльфи, Ляля. Мужа она выбирала долго и, наконец, сделала удачный выбор. Её муж, Кирьянов Геннадий Васильевич (или просто Гена), оказался хорошим мужем, отцом и родственником (последнее - для меня).

В 1965 году у них родилась дочь Наташа. Семья Кирьяновых много лет жила в подмосковном городе Домодедово, затем получила квартиру в Солнцево, которое позже было включено в состав г. Москвы. Ляля стала опытным и уважаемым врачом – терапевтом и работала в поликлинике Академии наук СССР. Интересно рассказывала о своих пациентах-ученых. С удовольствием сочиняла в течение многих лет стихи о погоде, о праздниках, о море, о своей семье. У меня имеется сборник её стихов, любовно собранных и изданных мужем Геннадием. Судьба дочери, Наташи, не всегда скла-

дывалась так, как желала мать. И это её огорчало. У Ляли развилась болезнь сердца. Она скончалась в возрасте 67 лет. Похоронена на Востряковском кладбище в Солнцево, рядом с матерью, тетей Зюльфи.

2.1.2 Михаил Александрович Декапрелевич

Брат жены Н.А. Гукасова, Валерии. Довольно яркая личность. Участвовал в русско-японской войне 1904-1905 г.г. В составе второй тихоокеанской эскадры совершил плавание из Кронштадта в Японское море до острова Цусима. Поход этот в подробностях описан в романе «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя /2/. Тысячи русских моряков, обреченные на смерть в далеком Японском море, в течение нескольких месяцев находились в плавании. Понятно, что они хватали любую возможность, чтобы дико покутить и забыться. Так было на острове Мадагаскар. После походов их строго наказывало начальство. Не избежал наказания и прапорщик Декапрелевич. Привожу отрывок из романа «Цусима» с приказом № 54 командующего эскадрой адмирала Рождественского.

Приказ № 54:

«Крейсера 2-го ранга «Кубань» мичмана Хинжинского и прапорщика по морской части Декапрелевича за шатание по кабакам и буйство арестовать в каюте с приставлением часового; первого на три дня, второго на неделю».

После кровопролитного сражения в Японском море оставшиеся в живых русские моряки попали в японский плен, где провели два года. В числе их был и М. Декапрелевич.

Вернувшись в Россию, Михаил Декапрелевич не оставил морскую службу, но перешёл в торговый флот. Дослужился до звания капитана дальнего плавания и командовал пароходом «Князь

Игорь». Я видел его фотографию: моряк в форменной одежде, с густыми усами, волевым лицом и пронзительным взглядом. При возможности он приезжал в г. Гянджу к сестре и здесь отдыхал в гостеприимном гукасовском доме, где его хорошо знали и хозяева и прислуга. Свои морские выходки и шутки он сохранил на долгие годы.

Однажды Михаил Декапрелевич приехал летом к Гукасовым. Хозяева большого дома и сада находились на даче в с. Мурут. Обойдя весь дом, Михаил Декапрелевич никого из бар, естественно, не застал. И только в одной из комнат он наткнулся на приживальщика Сократа, оставленного в доме в качестве сторожа. Сократ безмятежно спал, на дворе была жара. На стене комнаты висела картина в рамке. Раздосадованный отсутствием хозяев Михаил Декапрелевич снял картину со стены и вынул её из рамки. Далее я пересказываю (по возможности) слова Сократа. Сквозь сон он услышал, что его зовут по имени. Открыл глаза и увидел... На него смотрела голая задница в рамке. Не поверив глазам своим, Сократ попытался уснуть, но его настойчиво позвали ещё раз. И тут Сократ разгадал проказника:

– Миша, это ты?

– А кто же ещё? – ответил Михаил Декапрелевич.

Вот таким просоленным моряком и шутником остался в памяти близких Михаил Александрович Декапрелевич.

2.2 Любовь Александровна Гукасова

Моя бабушка Люба (Сируи) родилась 3 декабря 1889 года в г. Гяндже в семье Александра Васильевича Гукасова. Бабушке было приблизительно 6 лет, когда умер отец. В воспитании бабушки большое влияние оказала семья её брата Николая Александровича.

Люба окончила заведение святой Нины и получила среднее гуманитарное образование. Здание бывшего заведения находится на углу улиц Фиолетова и Джапаридзе в г. Кировабаде. Вместе с Любой там училась бабушка моего друга Бори Карапетяна (мать Ирмы, урожденная Анна Мусаелян). С ней я беседовал в 60-х годах, когда она была прикована к постели. Но «Любочку» она помнила хорошо и даже декламировала стихи, которые выучила в гимназии. В гимназические годы Люба хорошо играла в теннис («ляо-теннис»), умела кататься на роликовых коньках. Много читала. В гукасовской семье сохранились подшивки журнала «Нива» 1902-1907 г.г. Была русская классика и произведения модных писателей того времени.

Во время армяно-татарской резни 1905-1907 г.г., последовавшей за революцией 1905г. Люба не оставалась безучастной наблюдательницей. Она как могла, помогала армянам, организующей силой которых выступали дашнаки. По словам Седрака Ивановича (Сетрак-варжапет), впоследствии соседа моих родителей, Люба была смелой девушкой, она подносила патроны в цепи армян, обороняющих армянскую часть города Гянджи.

Сама бабушка рассказала мне другой эпизод этих сражений. В г. Гяндже естественной границей между армянской и татарской частями служит речка Ганджинка (Гянджа-чай). В те далекие годы форпостом татар был каменный дом, стоявший непосредственно на татарском берегу. Из этого дома они вели огонь по армянскому берегу, нанося урон армянам. Необходимо было подавить эту огневую точку, однако с помощью стрелкового оружия это было невыполнимо. Нужна была пушка, и армяне её сделали. Они нашли толстостенную металлическую трубу и заряжали её с дула бытовыми утюгами, которые собирали у жителей. Пушку даже окрестили

«Вартан Зоравар» («Полководец Вартан»). С её помощью они разрушили каменную огневую точку татар.

Бабушка Люба в юности была стройной красивой девушкой среднего роста с голубыми глазами с темно-каштановыми волосами, которые заплетала в две длинных пышных косы. У меня имеется её фотография в шляпке. В одну из поездок брат дядя Коля взял с собой сестру. Они побывали в Варшаве и присутствовали на обеде, где был также уже известный в те годы (до 1912г.) генерал Деникин.

По свидетельству современников, за Любовью Александровной в те годы пытался ухаживать Поярков, губернатор Елизаветпольской губернии.

У бабушки была близкая подруга Србуи (Софья Талышевна Мелик-Беглярова, дочь Талыш-бека). Она приходилась двоюродной сестрой моему деду, Николаю Александровичу Мелик-Беглярову. Я познакомился с тётёй Србуи в последние годы её жизни (1969 г.). Она жила в городе Тбилиси в районе Мейдана. Это была пожилая женщина, довольно крупного телосложения, с большими серыми глазами на выкате, очень похожая на своего отца, судя по фотографии. Тётя Србуи познакомила своего двоюродного брата Колю с Любочкой Гукасовой. Молодые люди понравились друг другу. По просьбе Коли (согласно рассказу тёти Србуи) она приглашала к себе Любу, а Коля приезжал на коне и, не слезая с него, подтягивался на руках и входил в окно комнаты, где находились подруги. По-видимому, это делалось для демонстрации молодцеватости, но не конспирации.

В 1913 году состоялось венчание Николая Мелик-Беглярова и Любви Гукасовой. Сведений о подробностях венчания и свадьбы у меня нет. Знаю только, что молодые проходили под скрещенными саблями. Затем кортеж направился в родовое поместье Мелик-

Бегляровых, село Ханагах (при советской власти – Гюлистан Шаумяновского района Азербайджанской ССР).

Молодую жену сына приняли мать и сестра. Мать – Варвара Соломоновна Автандилова, дворянка из старинного рода дворян-армян в Грузии (село Глдани под Тифлисом). Сестра - Елена Александровна (Эля), окончившая Смольный институт благородных девиц в Санкт–Петербурге.

Свекровь была чопорной дворянкой и властной женщиной, невестка же придерживалась более демократических принципов. Она могла запросто беседовать с прислугой и простыми людьми и этим вызывала недовольство свекрови и, наоборот, расположение последних.

Дедушка мечтал иметь сына, наследника его состояния, но судьба распорядилась иначе: в 1914 году родилась дочь Лиля, а в 1915 – Таня. В раннем детстве тётю Лилю одевали как мальчика, чтобы хотя бы в слабой мере выполнить желание отца иметь сына. Каждая дочка дедушки имела свою няню. В последние годы до прихода советской власти у девочек были гувернантка и бонна (немецкий язык).

Разразившаяся I мировая война, по-видимому, слабо повлияла на жизненный уклад молодой барской семьи. В 1916 году бабушка Люба с двумя дочками и няней (добрая русская женщина) совершила дальнее путешествие из Гянджи в Гельсингфорс (ныне столица Финляндии Хельсинки). Путешествие длилось много дней, и на длительных остановках пассажиры питались в привокзальных ресторанах. Уже на территории Финляндии, на остановке молоко подали в красивых чашках. Когда поезд тронулся, няня сказала:

- Барыня, одну чашку я взяла с собой.

Бабушка расстроилась и высказала своё недовольство. Положение исправил служащий ресторана, который прошёл по вагонам

и попросил сдать посуду, которая осталась у пассажиров, не успевших закончить завтрак на станции.

Полюбовались водопадом Иматра. Посетили пляжи, люди купались без купальников. Вернулись домой благополучно.

Но мировая война всё больше давала о себе знать. В Гяндже появились беженцы-армяне из Турции. Русско-турецкий фронт в Турции развалился, русские войска отступали, а за ними, спасаясь от резни, бежали армяне, коренные жители западной Армении.

В Гяндже беженцев-армян называли гахтаканами. Многие из них осели в регионе Гянджи. Активизировались националисты: у татар – мусаватисты, у армян – дашнаки. На станции Шамхор (30 км от Гянджи в сторону Тифлиса) татары напали на воинский эшелон с русскими солдатами и боевой техникой, отбили несколько пушек и много стрелкового оружия.

Однако отношения армянской знати и татарской знати оставались хорошими. Они сохранились и при советской власти (с Адигёзаловыми, Нурибековыми и др.). Правда, тогда уже нечего было делить.

Появилась третья сила – революционеры. Появились и бандиты разных национальностей, которые грабили богачей независимо от национальности. Но в основном грабили армян. Семья дедушки отсутствовала из Ханагяха, когда на поместье напали татары. В доме оставались мать и сестра деда. Татары угнали лошадей (около сотни голов), убили Варвару Соломоновну, Элю, а барский дом сожгли. Главарями бандитов были, например, Гачаг Наби, Гатыр Мамед, которых официальная советская пропаганда Азербайджанской ССР причислила к революционерам. В г. Кировабаде был поставлен в 70-х годах памятник Гатыр Мамеду (недалеко от Дома офицеров Советской Армии).

В доме дедушки появлялись также скрывавшиеся от мусаватистов большевики. Будучи носителями христианского армянского отношения к людям, независимо от их политической ориентации, хозяева прятали у себя и дашнаков и большевиков от властей. Так в доме Мелик-Бегляровых побывали Асканаз Мравян (впоследствии крупный деятель Компартии Армянской ССР), Муса Каримов (бывший матрос, впоследствии партийный работник в городе Кировабаде), Курбан Мамедов (впоследствии хозяйственный руководитель). С Каримовым М. и Мамедовым К. меня, мальчишку, познакомил дед.

Человеколюбие и доброта дедушки и, особенно, бабушки, впоследствии были оценены этими людьми. В трудное время преследования бывших дворян они оказывали деду осторожную помощь.

В 1918 году вслед за отступившими русскими войсками в г. Гянджу вошли турецкие войска под командованием генерала Нури-паши. Они быстро установили в городе свои порядки. Нарушителей хватали и наказывали. Разные люди рассказали мне эпизод, центральным действующим лицом которого была бабушка Люба.

У бабушки была ближайшая по возрасту сестра Анна (тётя Аничка), которая была замужем за мелкопоместным дворянином Тер-Азарьевым Леоном Макаровичем, человеком вздорным и хвастливым, любящим пустить пыль в глаза. На улице у него произошла стычка с турецкими солдатами и в результате он оказался за решеткой. Это могло иметь тяжелые последствия. Жена Анна в слезах примчалась к сестре, прося помощи. Нужно было срочно действовать.

Бабушка велела запрячь коляску лучшими лошадьми, а двум дюжим молодым слугам (одного звали Верди) сесть на задки коляски, и поехала к Нури-паше с визитом. Прихватила с собой доро-

гой перстень. Охране генерала передали, что ханум просит аудиенции. Генерал принял её незамедлительно. Ханум представилась, подарила ему перстень и изложила свою маленькую просьбу. Генерал обещал разобраться. Вскоре Леона Макаровича освободили из-под ареста и он был уже дома. Оказавшись на свободе, Леон Макарович заявил, что турки всё равно не решились бы его осудить.

Нури-паша не ограничился Гянджой и двинул свои войска на Баку, где к тому времени усилиями Степана Шаумяна и его единомышленников была создана Бакинская коммуна. Турецкие войска по численности и мощи значительно превосходили отряды коммунаров. В г. Царицыне находилась крупная группировка красных отрядов, где представителем московской большевистской власти был И. Сталин. Ещё до подхода турецких войск С. Шаумян многократно телеграфировал И. Сталину с просьбой прислать войска для спасения коммуны. Сталин медлил и, наконец, прислал только небольшой отряд из 120 человек /4/. Лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания писал, что на совести Сталина минимум два предательства С. Шаумяна и его единомышленников (информация от доктора исторических наук Н.Б. Тер-Акопяна, полученная в архиве ЦК КПСС). После разгрома Бакинской коммуны в Бакинской и Елизаветпольской губерниях была установлена власть мусаватов (азербайджанских националистов).

В 1919 году в Закавказье вошла 11-я Красная Армия. Членом Реввоенсовета здесь был известный большевик С.М. Киров. В Баку 28 апреля 1920 года была установлена Советская власть. К Гяндже 11-я армия продвигалась со стороны Баку.

Землевладельцам и другим богачам было велено оставить свои владения. Семья Мелик-Бегляровых решила переселиться из села Ханагах в г. Гянджу в гукасовский дом по Дондуковской улице (при советской власти улица С. Шаумяна). Дед отсутствовал, его

разыскивала ЧК. Поэтому кортеж из коляски и телеги (или телег, точно не знаю) возглавляла бабушка. На дорогах было опасно, свирепствовали гачагы (разбойники). Вот и на этот раз из-за кустов выехал вооруженный всадник. Путешественники оцепенели. Бабушке лицо его показалось знакомым, она узнала в нем мужика из соседнего села, который пользовался дурной репутацией. Из-за кустов, между тем, выехали другие разбойники на лошадях. Бабушка немедленно сориентировалась:

- Это ты, Гариб? Как я рада! А мне показалось, что это разбойники. Проводи нас, пожалуйста, через лес.

Гариб смутился (бандиты тогда ещё имели совесть) и приказал своим подчиненным проводить барыню и её спутников, не тронув добра, которое те везли.

Дед Николай был специалистом по коневодству, очень любил лошадей и знал в них толк. В его имении было несколько пород лошадей. После грабежа усадьбы в селе Ханагях у него осталось несколько лошадей, в том числе любимец, арабский скакун по кличке Леон. Я видел сохранившиеся фотографии этого коня. С приходом большевиков этих лошадей, в том числе Леона, забрали в Красную Армию. Дед очень горевал.

Как-то на улице Гянджи в проезжавшем отряде кавалеристов дед узнал своего любимца. Увидев хозяина, конь заржал. Бабушка, узнав об этом, решила вернуть коня. Советскую власть в городе возглавлял С.М. Киров. Бабушка пошла на прием к нему и изложила свою просьбу. С.М. распорядился вернуть коня хозяину. Радости деда не было границ. Однако радость была омрачена, когда выяснилось, что конь болен сапом. Его пришлось пристрелить.

Вскоре был провозглашен НЭП. Хозяевам разрешили вернуться в свои дома и поместья. Мелик-Бегляровы вернулись в свой дом в с. Карачинар. Детство Лили и Тани проходило на лоне при-

роды в общении с сельскими детьми. При советской власти отношения бабушки с прислугой стали ещё более теплыми. Любимицей бабушки была молоденькая энергичная Маян, муж которой, Арменак Юзбашев, был большевиком и партизаном во время революции. В 20-х годах Юзбашевы поселились в Баку в доме по улице 28 апреля недалеко от железнодорожного вокзала. Я бывал в этом доме в 1964 году. В 20-х годах тётя Маян помогла выручить бабушку из сложной ситуации. Дело было так.

Бабушка по своим делам поехала в Баку. Прямо на вокзале её задержали сотрудники ЧК и стали допрашивать, кто она и почему приехала. Бабушка объясняла, но ей не верили. Позже выяснилось, что её приняли за польскую шпионку: светлоглазая, прилично одетая. Но тогда нужно было доказать, что она говорит правду. Бабушка сослалась на Юзбашева Арменака, который мог подтвердить её слова, и сказала, что Маян её двоюродная сестра. Бабушку повели к Юзбашевым. Во время объятий и поцелуев с Маян бабушка успела шепнуть ей суть дела. Но Арменак не был посвящен, а его между тем хотели повести в отделение ЧК на вокзале. Нужно было срочно передать ему суть дела. Когда чекисты вышли из дома вместе с Арменакон, Маян крикнула ему вслед первое, что пришло на ум:

- Арменак, Арменак! Ты забыл надеть калоши, вернись! (Замечу, что на дворе стояла сухая погода).

Арменак вернулся. Дело было сделано. Бабушку отпустили. Но страха и переживаний было предостаточно. Этот эпизод часто вспоминали и Бегляровы и Юзбашевы в последующие годы.

В 1927 году Сталин свернул НЭП. Богачам и собственникам велели освободить их прежние владения. Мелик-Бегляровы вернулись в г. Кировабад и стали жить по найму. Дед вынужден был работать в дальних колхозах, чтобы не попадаться на глаза НКВД.

Его практически лишили права жить в городе и лишили вместе с женой права голоса на выборах. Семья жила на трудодни, заработанные дедом. Дочери окончили русскую школу и стали работать. Таня училась также на рабфаке. В 1936 году Таня поступила в Бакинский медицинский институт. В поезде она встретила с Никияном Гагиком, который ехал на курсы усовершенствования врачей. Таня и Гагик понравились друг другу и поженились в декабре 1936 года. А в сентябре 1937 года появился на свет я. Таня взяла академический отпуск и вернулась в г. Кировабад. Вся забота по уходу за ребёнком и его воспитанию легла на плечи бабушки Любы. Она вырастила и воспитала меня в своём духе. Отец с 1939 года был в армии, а мама продолжила образование в АзСХИ. Главой семьи была фактически бабушка, энергичная и волевая женщина. Было мало денег, не хватало продуктов питания во время войны. С помощью знакомств (чуть ли не полгорода) бабушке удалось получить под огород участок земли в учебном хозяйстве АзСХИ за городом. Но в семье никто не умел заниматься огородничеством. Тогда бабушка вошла в пай с Ксенией Ильиничной (тёщей доктора Алахвердяна Г.А.), работающей русской женщины, приехавшей в Кировабад с оккупированной территории России. Вдвоём с бабушкой они стали обрабатывать участок и получать для своих семей картофель, сахарную свеклу и кукурузу. Голод нам уже не грозил. Дед Николай начал работать в ближних колхозах и часто приезжал домой.

При советской власти продолжали существовать связи семьи дедушки и бабушки с их прежними крепостными крестьянами (которые оставались таковыми и при советской власти). Я помню, в 40-х годах к нам приезжали крестьяне из деревень Карачинар, Эркеч, Барисы и других, чтобы разрешить свои дела в городе. Бабушка почти всех принимала и укладывала на ночь, где могла. Они

привозили с собой нехитрые крестьянские гостинцы (багардж, блин⁷ и др). Бабушка помогала им пойти к нужному врачу, нотариусу. Не решался приехать в прежнюю барскую семью только активист из бедноты и доносчик по имени Хачо.

Бабушка заботилась о моём развитии в дошкольные годы. Читала мне книжки. Настаивала, чтобы я учил наизусть стихотворения, например, «Спор» М.Ю. Лермонтова. Она нашла для меня полезное занятие: разведение тутового шелкопряда и получение натуральных шелковых нитей. И все это в домашних условиях.

Начались мои школьные годы и бабушку избрали в родительский комитет. С первого и до последнего класса, за исключением пятого класса, я заканчивал учебный год на «отлично». Следует сказать, что бабушка не способствовала получению отличных оценок, это противоречило её убеждениям, да и вообще тогда это не было принято.

В возрасте 12-13 лет я мастерил модели самолётов, либо читал художественную литературу, одним словом вёл малоподвижный образ жизни. Это беспокоило бабушку, и она требовала, чтобы я занимался физкультурой. Даже нашла мне преподавателя физкультуры Вову, бывшего одноклассника мамы-Тани. Но я ещё не созрел до понимания необходимости физкультуры. Это понимание пришло позже, когда мне было без малого 14 лет.

Бабушку я очень любил и называл её «мама», а родную мать – «мама- Таня». И так было почти всю жизнь.

У меня было несколько близких друзей: Юра Мирзоев, Гриша Мурадян, Костя Нерсисян, а также мой самый давний товарищ детства Лёня Поляков. Они любили бывать в доме дедушки и бабушки, так как встречали всегда тёплый приём. Бабушка и дедушка любили компанию моих друзей.

⁷Багардж – разновидность бисквита, блин – лепешка с начинкой из сахара, муки и масла

В 1952 году бабушка тяжело заболела, у неё случился инсульт. Стал заплетаться язык, ослабла левая рука. Вылечить её полностью не удалось. Резко снизилась активность. В конце июня 1964 года её не стало. Похоронили её на кладбище в г. Кировабаде, возле могил мужа, матери (Марии Ивановны) и бабушки (Анны Спиридоновны Протопоповой).

Я всегда с благодарностью вспоминаю её. Она сформировала основы моих взглядов на жизнь. Это была умная, энергичная, образованная женщина, любящая и преданная жена, любящая мать и бабушка.

3 Род Нигунц

Родовая фамилия предков моего отца – «Нигунц». Корнем является слово «ниг» - по-армянски «копье». В русской транскрипции родовая фамилия звучит «Нигиянцы». По смыслу корня родовой фамилии можно заключить, что предки занимались изготовлением копий. Известно также, что предок моего отца был угольщиком. Эти сведения не исключают друг друга. Вполне возможно, что мой предок занимался производством древесного угля для кузнечных работ, выполняемых при ковке наконечников копий.

3.1 Александр (Сантри) Соломонович Нигиян

Мой дед Сантри родился в 1870 году (ровесник В.И. Ленина) в патриархальной семье в г. Гяндже. Его мать Санам-акир, была мудрой и доброй женщиной, высказывания которой о жизни и о людях помнили и цитировали внуки. Об отце деда, Соломоне, я ничего не знаю. По-видимому, он рано умер. У деда был младший брат Арташес.

О детстве и юности деда у меня нет сведений. В 1895 году он женился на Ольге Аслановне Мхитаровой (бабушка Олинка) 1879 года рождения (ровесница И.В. Сталина). К 25 годам дед, по-видимому, уже стал самостоятельным человеком и мог позволить себе жениться. Постепенно он стал известным в Гяндже купцом, владельцем одного, а потом и двух магазинов в центре города. В начале XX века был уже купцом первой гильдии. В его магазинах были разные товары, в том числе промышленные из России.

Приходилось ездить за товарами и в Москву. Помню рассказ деда о первом приезде в Москву. С вокзала он поехал в гостиницу, а наутро взял извозчика и назвал нужную фирму. Извозчик сразу

понял, что нужно клиенту. Долго они ехали по московским улицам и, наконец, достигли цели. Посмотрев вокруг, дед узнал в здании неподалёку свою гостиницу.

– Так ведь это же моя гостиница! – воскликнул он. – Зачем ты меня так долго возил по улицам?

– Надо же было показать город барину, - ответил извозчик, не смутившись.

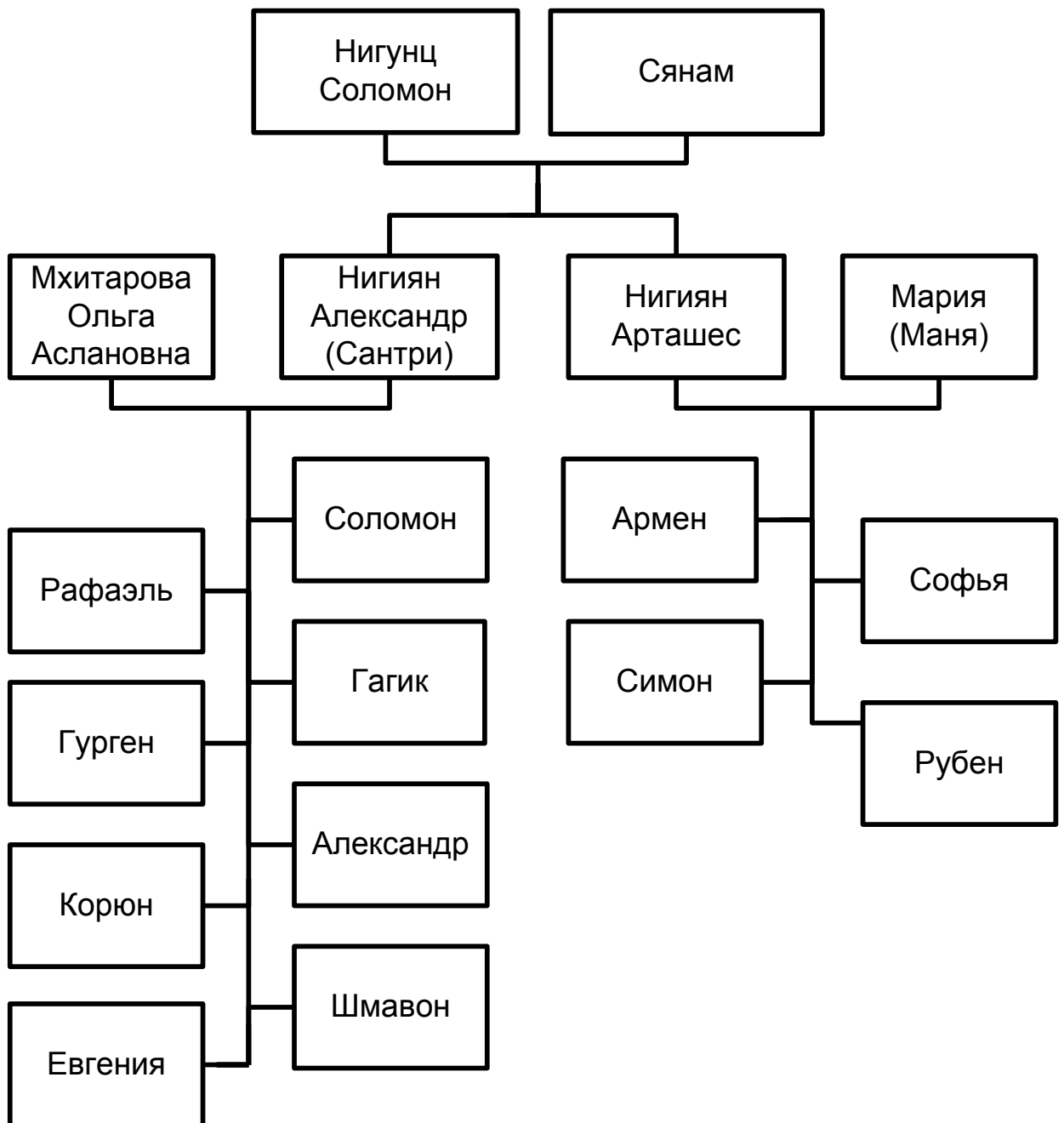
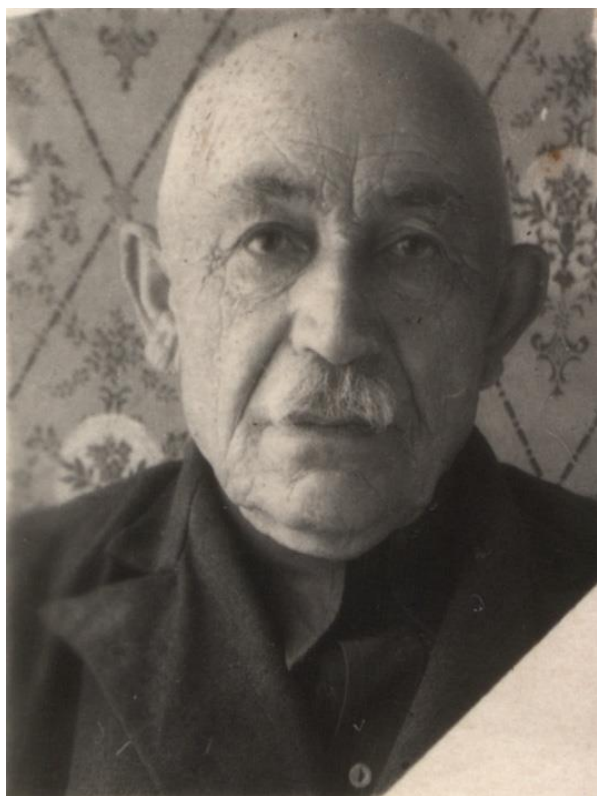

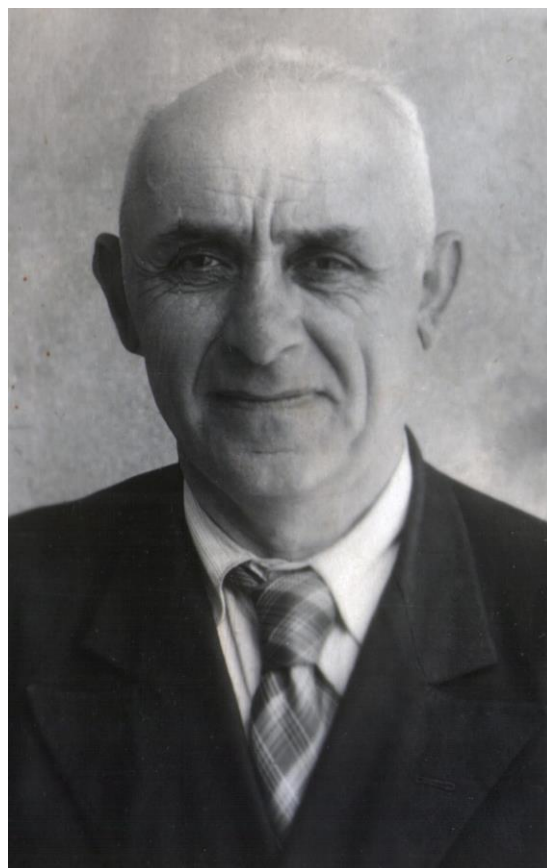
Рисунок 4 Род Нигунц (Нигяцев)

Семья Нигянцев. Слева-направо стоят сыновья: Гурген, Соломон, Рафаэль; родственница Егнан; сидят - брат Арташес, Санам-акир (мать), Сантри с дочкой Геней на коленях, Олинка. Сидят на полу сыновья: Гагик, Корюн, Сашик, (г. Гянджа, 1912г.)

Александр Соломонович Нигян
(мой дед Сантри), г.Кировабад, 1947г.

Рафаэль Александрович Никян, 1965г.

Гагик Александрович Никян
(мой отец), г.Кировабад, 1952г.

Корюн Александрович Нигян,
г. Кировабад, 1940г.

Гезелла Айказовна Мелкумова
(дочь тети Зюльфи), 1968г.

Иосиф Рафаэлович Никьян,
г.Баку, 1968г.

Бабушка Олинка (в центре) в семье старшего сына Рафаэля. Слева направо:
жена Зирвард с дочерью Нелли, Мелита. г.Баку, 1948г.

Г.А. Никиян, врач «Скорой помощи», г.Кировабад, 1938г.

Г.А. Никиян, военврач авиаполка,
8 октября 1942г.

Гагик Александрович Никиян, ветеран
войны и труда, 1974г.

Осмотр больного, г. Кировабад, 1970г.

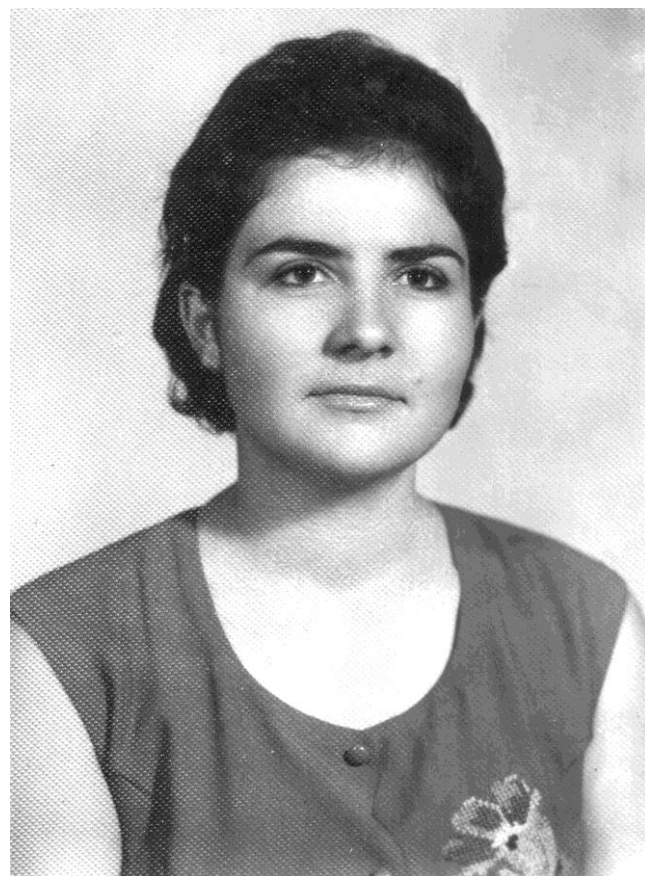
Коля и Норик Нигян, г.Кировабад, 1954г.

Александр Александрович Нигян (дядя Саша) с моими сыновьями
Серрежей и Айком, г. Ереван, 1984г.

Никиян Николай, г. Ереван, 1967г.

Парсаданян Мара, г. Ереван, 1974г.

Мой брат Шурик Никиян на балконе
дома Нигиянцев, 1963г.

Александр Никиян, лейтенант милиции,
г. Ессентуки, 1980г.

Об этом случае дед рассказывал с досадой. Он хорошо знал цены на товары в разных городах и сёлах. И помнил их даже много лет спустя после революции. Так в начале двадцатого века в одном из сел, куриные яички продавали по цене пол копейки за штуку. Вот как ценилась копейка. Дед Сантри знал, помимо армянского языка, также русский и мог объясняться на татарском (азербайджанском) языке.

Это был расчетливый, умный и немного жесткий человек. В своей многочисленной семье (его называли «айрик⁸») он пользовался непререкаемым авторитетом. Даже в зрелом возрасте сыновья не спорили с ним, а выполняли волю отца. У деда было семь сыновей и одна дочь (рис. 4).

Патриархальность семьи выражалась не только в уважительном отношении детей к родителям, но и младших братьев к старшим братьям, а также защите интересов сестры.

Активная торговая деятельность позволила деду купить довольно большой участок земли (около 1 гектара) в верхней части города по улице Дондуковской (при советской власти – ул. С. Шаумяна). На этом участке в 1905 – 1907 г.г. был построен двухэтажный дом. Хоть дом и был большим, но удобств в современном смысле он не имел. Воду привозили в бочках от источника, который находился на расстоянии 2 км. На участке имелись плодовый сад, коровник и хлев. Бабушка Олинка рожала детей с 1896 по 1913 годы. Так что в семье всегда были малые дети. Работа по дому начиналась ранним утром и заканчивалась затемно. В те времена в домах не было газовых и электрических плит. Единственным видом источника тепла была дровяная печка. И в таких вот условиях нужно было приготовить обед, искупать детей и искупаться самим, сделать стирку. Но бабушка Олинка другой жизни не знала и по-

⁸ Айрик – отец (по-армянски).

этому не роптала. Когда дети выросли, она удивляла окружающих своей энергичностью и живым интересом ко многим вещам. Имела своё мнение, давала советы своим детям. Когда я учился в старших классах школы и возник вопрос о выборе специальности, бабушка сказала моему отцу: «Пусть Коля станет инженером по электричеству».

В многодетной семье, где было семь мальчишек, желаемый результат не всегда достигался словом. Поэтому нередко применялись и физические меры воздействия. По правилам воспитания того времени детей родители почти не ласкали. Мой отец, Гагик Александрович, рассказывал, что не помнит случая, когда его и братьев приласкал бы отец, а у матери для этого не было времени.

Но главным способом воспитания был труд. Сыновья, свободные от занятий в школе, выполняли работы по хозяйству. Через много лет они превратились в полноценных мужчин, пятеро получили высшее образование. После революции деда лишили обоих магазинов и большей части земельного участка. Советская власть отобрала четвертую часть дома, остальные три четверти были поделены между сыновьями деда.

В последние годы жизни дед Сантри работал сторожем в колхозном плодовом саду на окраине города Кировабада. Добросовестно охранял колхозное добро. В целом дед был довольно здоровым и бодрым человеком. Но давали себя знать старческие недуги. И он увлёкся учением немецкого пастора Кнейпа о водолечении. Много ходил пешком, купался в речке и принимал ванны процедуры дома. В 1950 – 1951 годах он ходил с нами, мальчишками, вверх по течению небольшой горной речки, протекающей мимо села Камо (Аджишен), и купался в каменной чаше (кари гёл) в русле речки. Однако, несмотря на лечебные меры, у деда развивался рак (по-видимому, печени). Он скончался в начале октября 1951 года в

возрасте 81 года. Похоронен на армянском кладбище г. Кировабада. Бабушка Олинка продолжала жить в своём доме вместе с семьёй одного из младших сыновей Александра (дяди Саши). Она по-прежнему вела активный образ жизни, ходила к родственникам, иногда ездила в г. Баку к старшему сыну Рафаэлю. Постепенно развивались старческие болезни. Бабушка скончалась в глубокой старости в 1970 году, дожив до 91 года. Похоронили её рядом с дедом Сантри. Работы по захоронению организовал мой отец Гагик Александрович.

3.1.1 Рафаэль Александрович Никиян

Мой старший дядя Рафаэль родился в 1896 году в г. Гяндже. Окончил местную гимназию, затем медицинский институт где-то в России. Вступил в ряды ВКП (б) (несмотря на то, что его отец не питал симпатии к большевикам). В конце 20-х годов дядя Рафаэль работал в должности проректора по учебной работе Астраханского медицинского института. Тогда ему было немногим более 30 лет, дядя Рафаэль был убежденным коммунистом, громко выражал свои взгляды. Этим он отличался от братьев. В его фамилии буква «г» изменилась на букву «к», по-видимому, по воле случая во время жизни в России. Такое написание фамилии заимствовал мой отец, Гагик, который долгое время жил в г. Астрахани в семье дяди Рафаэля, когда учился в Астраханском медицинском институте.

Дядя Рафаэль некоторое время жил в г. Кировабаде и пользовался репутацией хорошего специалиста-врача в области кожных болезней. Он занимал руководящие должности в медицинских учреждениях Советского Азербайджана. Вскоре он был назначен главным врачом закрытой больницы – лепрозориума для прокаженных в селе Хизы в 100 км от Баку (по-видимому, единственной

в Закавказье). Дядя Рафаэль мужественно проработал на этой должности около 20 лет. Следующий отрезок времени он проработал на административных должностях в самом городе Баку.

Дядя Рафаэль женился в молодые годы на девушке-немке из Закавказья по имени Роза. Она родила ему дочку Мелиту в 1920 году. Затем семья переехала в г. Астрахань, где дядя Рафаэль работал в мединституте. В эти годы в том же институте учился мой отец (1926-1931 г.г.), который жил в семье старшего брата. Роза заботливо относилась к нему, как к младшему брату мужа. Память о ней, как добром, отзывчивом человеке, мой отец сохранил на долгие годы. Где-то в начале 30-х годов Роза тяжело заболела и умерла. Много лет спустя мой отец по просьбе дяди Рафаэля организовал сооружение памятника на могиле Розы. Дядя Рафаэль остался один с ребёнком. Вскоре он познакомился с девушкой, также немкой, которая пришлась ему по душе. Звали её Алиса. Она подарила мужу сына. Вскоре советских немцев стали ссылать в Казахстан (а то и дальше). Не обошла беда и семью дяди Рафаэля. Алису с маленьким сыном выслали, а дяде Рафаэлю запретили ехать с женой и сыном в ссылку. Так дядя Рафаэль второй раз потерял семью. Чтобы помочь как-то ему, родственники подыскали жену, армянку, по имени Зиравард. В 1938 году у них родился сын Иосиф (для родственников – Жозик), а в 1945 году родилась дочь Нелли. Несмотря на перипетии судьбы, дядя Рафаэль всю жизнь оставался для родителей любящим внимательным сыном.

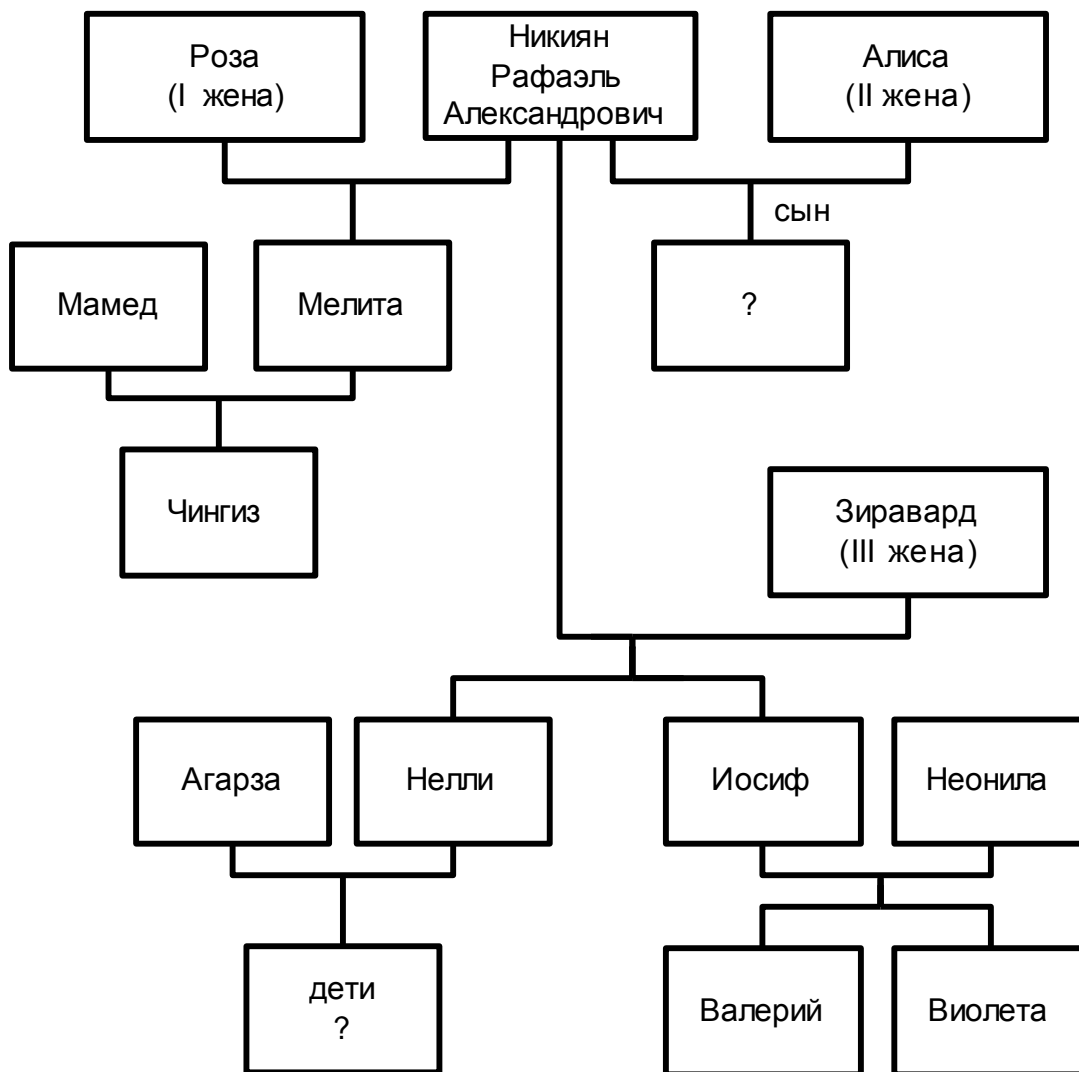

Рисунок 5 Семейство и потомки Рафаэля А. Никияна

Не менее одного раза в год приезжал в г. Кировабад проведать своих стариков, а также братьев и сестру. Каждый его приезд становился для них радостным событием. В обратную дорогу его провожала целая свита родственников. После смерти деда Сантри бабушка Оля также навещала семью старшего сына в г. Баку. Последний раз я видел дядю Рафаэля в 1976 году. Через год-два он скончался в г. Баку, где прошла большая часть его жизни. Ему были присвоены почетные звания врача республиканского и пенсионера союзного значения.

Старшая дочь дяди Рафаэля Мелита получила, если не ошибаюсь, профессию фармацевта. Она вышла замуж в 1945 году (ориентировочно) за человека, значительно старше неё, по имени Мамед. Переживала, что вышла за азербайджанца. Вскоре она родила сына, которого называли Чингизом. О семье Мелиты мне больше ничего не известно.

Я совершенно не имею информации также о сыне дяди Рафаэля от жены Алисы.

Мой двоюродный брат Жозик унаследовал от отца доброжелательность и любовь к родственникам. В юности он проявлял интерес к технике кино и получил соответствующее образование в г. Воронеже. Здесь он полюбил местную девушку по имени Неонила (для родственников – Нила), которая стала его женой. Вернувшись в г. Баку работал в системе кинопроката и стал заместителем начальника управления кинопроката города, членом Баксовета. Кровавые события 1989 года заставили Жозика покинуть родной город и переехать с семьёй в г. Новороссийск Краснодарского края. Здесь он и прошёл по конкурсу на должность управляющего кинопрокатом города.

У Жозика – двое детей. Сын Валерий – врач, живет с семьёй в одном доме с отцом. Дочь Виолетта вышла замуж за инженера (ар-

мянина), специалиста по нефтедобыче, который увёз её на север и проработал там несколько лет. Валерий и Виолетта имеют по двое детей. Виолетту я видел в 80-х годах, когда она работала в Кировабадской школе и часто бывала в доме моей мамы. Она очень похожа на тётку, сестру Жозика, Нелли.

Младшая дочь дяди Рафаэля, Нелли, окончила институт (кажется, педагогический) и вышла замуж за физика по имени Агарза (для близких – Алик), который работал в лаборатории низких температур Академии Наук Азербайджана. Его матерью была еврейка, отцом – азербайджанец. Алик производил на Нигиянцев хорошее впечатление своим воспитанием и порядочностью. Эти свои качества он подтвердил, когда армянское население Азербайджана оказалось в беде: армян убивали, либо изгоняли из Азербайджана.

Алик и Нелли с детьми срочно покинули Баку и переехали в г. Новороссийск (вместе с Жозиком). Но и здесь жизнь переселенцев была несладкой. Используя своё еврейское происхождение, Алик получил право эмигрировать в Израиль. В настоящее время они проживают в г. Батям. Мой брат Шурик по телефону связывался с Нелли. У них всё было благополучно.

3.1.2 Соломон Александрович Нигиян

Мой второй дядя, Согик, родился в 1897 году в г. Гяндже, окончил гимназию и сельхозинститут в г. Кировабаде. Получил звание ученого агронома, чем очень гордился. Несколько лет работал в сельскохозяйственных учреждениях. Затем перешёл на преподавательскую работу, сперва в сельхозтехникуме, затем в школе. Преподавал он химию. Работа учителя его увлекала, он с удовольствием рассказывал разные истории, связанные с учащимися. Почти всю свою сознательную жизнь он проработал учителем химии.

Долгое время работал в железнодорожной школе, расположенной возле вокзала г. Кировабада. Нередко на работу и обратно приходилось добираться пешком, а это – 6 км в один конец. Но он мужественно сносил невзгоды. И если дядя Рафаэль имел характер лидера, то дядя Соломон был терпеливым добросовестным исполнителем.

Дядя Соломон женился на красивой девушке Наде из Баку, происходившей из рода Воскановых. К несчастью Надежда Григорьевна имела нездоровую наследственность, и это сыграло роковую роль в судьбе семейства дяди Соломона. Надежда Григорьевна подарила мужу двух сыновей: Норайра и Карена, и дочь Марию. Все дети внешне были весьма симпатичными. Однако мать не уделяла должного внимания детям, а отец оказывал слабую моральную и материальную поддержку.

Норик (1927 г.р.) хорошо учился в школе, много читал и помогал отцу по хозяйству. Он окончил АЗСХИ, факультет агрономический (или, возможно, плодоовощной). По окончании он был направлен в село Маразы Нагорно-Карабахской автономной области. Здесь его назначили заведующим лабораторией местного винного завода. Будучи честным и принципиальным человеком, Норик не пропускал продукцию низкого качества, что весьма не нравилось руководству завода. От него решили избавиться.

И вот фабрикуется призыв в армию. Норика, имеющего офицерское звание после окончания института, неожиданно призывают в качестве рядового и направляют в летную часть, расположенную под городом Киевом. В то время (50-е годы) срочная служба в сухопутных войсках длилась три года, а в летных – четыре. Несмотря на хлопоты отца, Норика из армии не отпустили, и он отслужил полный срок. После демобилизации Норик стал работать в Алюминстрое г. Кировабада. Ему было уже под 30. Стала проявляться

нездоровая психическая наследственность. Его начали понижать в должности и, в конце концов, перевели на должность разнорабочего. В посёлке Алюминстроя он получил квартиру и жил там один. В 70-х годах, приезжая в Кировабад, я иногда встречал Норика на улице. Он смотрел на меня пристально взглядом незнакомого человека. Естественно, не здоровался.

В конце 80-х годов с подачи Генсека ЦК КПСС Горбачева М.С. была развязана травля армянского населения в Азербайджане. Местные власти организовали отряды молодых людей, которые громили дома армян в Баку, Кировабаде и других городах, вынуждая армян покидать родные места и бежать куда глаза глядят.

Одна часть армянского населения бежала в Армению, которая переживала внутренние неурядицы, а также последствия невиданного по своей разрушительности землетрясения с эпицентром в г. Спитаке. Другая часть армян устремилась на Северный Кавказ. Небольшой части армян удалось уехать в США.

В это бурное время Норик Нигиян исчез из поля зрения родственников. Полагают, что он был убит вместе с другими армянами. Ему было 60 с лишним лет. Семьи он не создал.

Мара (1933 г.р.) в школе успехами не блистала, но к 17-18 годам превратилась в очаровательную стройную девушку, темную шатенку. В неё был влюблён её учитель математики Туран Алиевич, а также мой учитель игры на гитаре Шура Мелик-Пашаев, молодой человек из Баку. Шура неоднократно просил меня сообщить ему, когда Мара придёт в гости к моим родителям. Мне известно ещё несколько случаев, когда в последующие годы зрелые симпатичные мужчины стремились сблизиться с Марой.

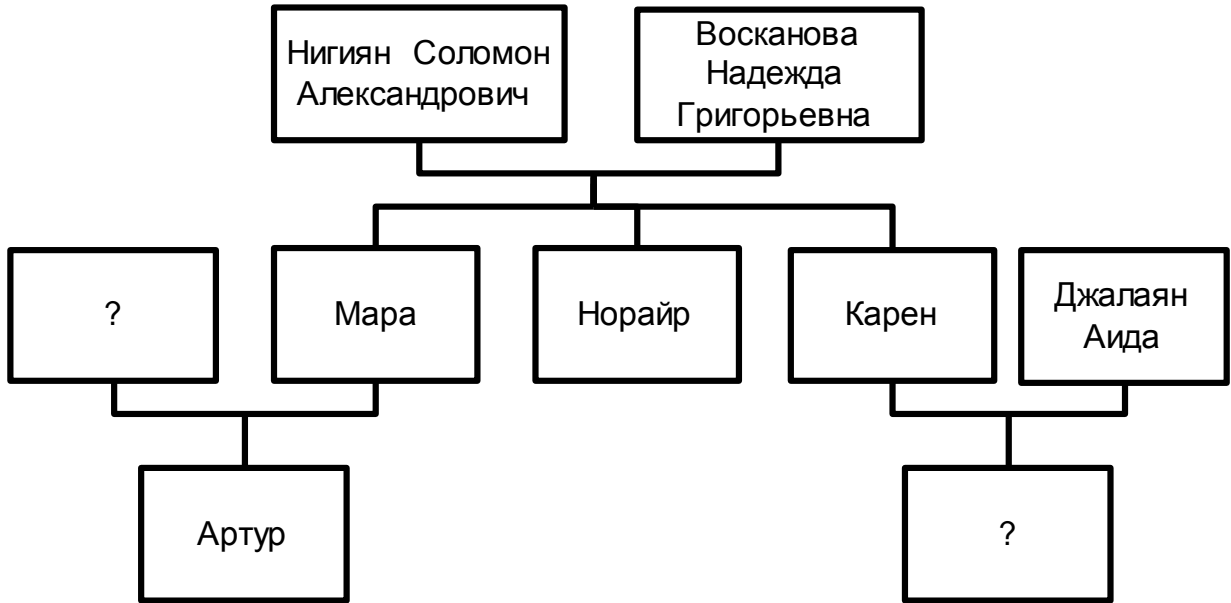

Рисунок 6 Семейство Соломона А. Нигяна

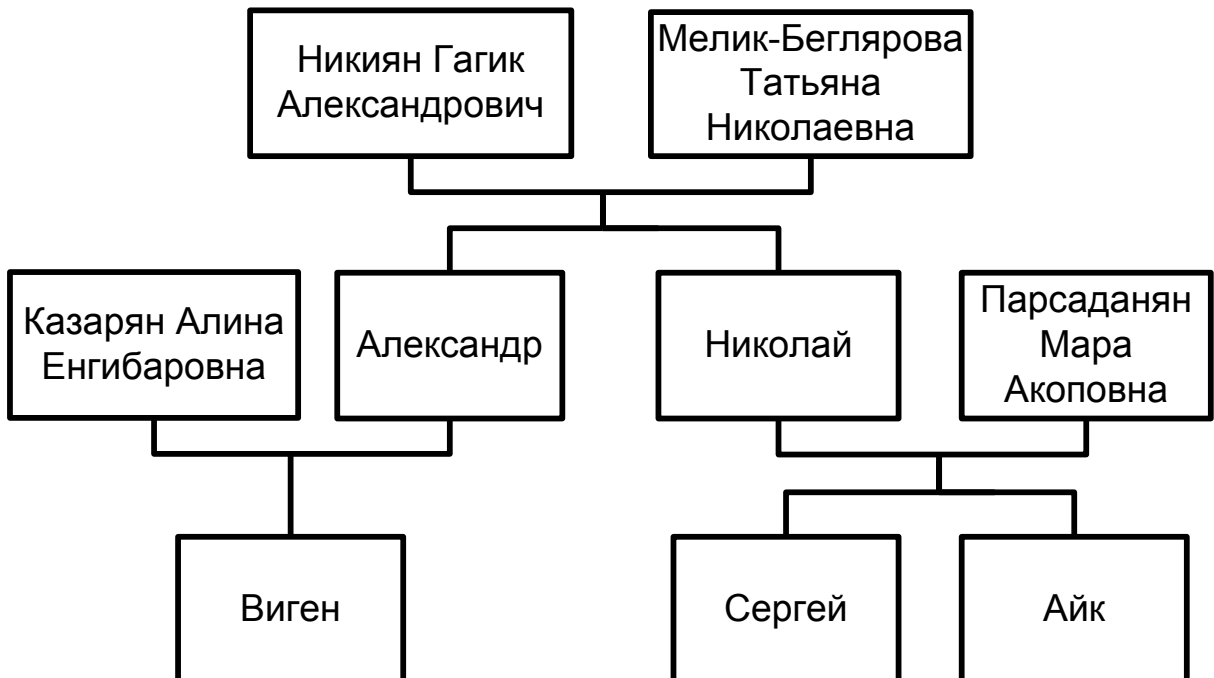

Рисунок 7 Семейство Гагика А. Никияна

Но Мару мужчины не интересовали. В этом, возможно, тоже проявлялась нездоровая наследственность. Но замуж она всё-таки вышла. Из г. Степанакерта приехал со своими родными молодой человек, который хотел жениться на кировабадской девушке из хорошей семьи. Так он вышел на Мару.

Замужество Мары наделало много шума среди родственников. После свадьбы молодые отбыли в г. Степанакерт. Следует отметить, что в юности Мара была застенчивой девушкой, однако со временем застенчивость исчезла, а характер стал неуживчивым и позже перешёл в скандальный. Из-за этого жизнь в браке длилась менее года, и Мара вернулась к родителям с маленьким сыном по имени Артур. Своё недовольство жизнью и гнев она обрушивала на родителей, дело доходило до физического воздействия. Из-за полученных увечий скончалась мать, Надежда Григорьевна. Убитый горем дядя Соломон слёг в постель. Он отказался принимать пищу и вскоре скончался (ориентированно в 1974 году).

Сын Мары вырос, отслужил в армии, но не захотел возвращаться к матери. С другом он уехал жить и работать в г. Волжск. Мара в 1989-1990 г.г. вместе с беженцами уехала из г. Кировабада в Армению и некоторое время проживала в посёлке Цахкадзор. Родственники не хотели её принимать у себя. Мне не известна её дальнейшая судьба.

Карен (1939 г.р.) в школе успехами не блистал, а в старших классах перевёлся из дневной школы в вечернюю и стал работать на заводе (если не ошибаюсь, механическом). Затем перешёл на работу монтажником, ездил по районам. В юности был спокойным дружелюбным молодым человеком, часто заходил в гости к моим родителям. Много позже здесь он познакомился с дочерью близких знакомых моих родителей, Аидой Джалалян. Аида прежде уже была замужем и имела пятнадцатилетнюю дочку Ганну. Между Каре-

ном и Аидой завязались тёплые отношения, которые перешли в любовь и последующий брак. Карену тогда было более 40 лет.

Во время изгнания армян из Азербайджана Карен с Аидой уехали в центральную Россию и жили в небольшом посёлке. Позже я узнал, что Карен там долго не прожил и скончался. По-видимому, это были последствия черепно-мозговой травмы, полученной во время работы монтажником. Своих детей у Карена не было.

Такова вкратце судьба семьи Соломона Александровича. Прямо скажем – драматическая. Жена моего младшего дяди, Саши, Варвара Николаевна называла семью Соломона Александровича, «семьёй Головлёвых» (по произведению М. Е. Салтыкова – Щедрина «Господа Головлёвы»). Сравнение жесткое, но во многом правильное.

Соломоновская ветвь рода Нигиянцев не имела продолжения.

3.1.3 Гурген Александрович Нигиян

Дядя Гурген родился в 1900 году в г. Гяндже. В школе учился без рвения. Учеба стала его, по-видимому, тяготить. Для развлечения он как-то принёс на урок пару голубей и выпустил их под потолок класса. Урок был сорван. Озорника вызвали к классному руководителю и велели немедленно вызвать отца. Но мальчик знал, что его ожидает, если рассказать отцу. Поэтому он договорился с одним из амбалов, которые в ожидании клиентов стояли на углах улиц. За небольшую плату амбал в качестве отца озорника явился в школу, возмущался поступком «сына» и ругал его. Сценарий разработал озорник. Эту историю рассказал мне мой отец.

Этот случай был не единственным. Вскоре дядю Гургена отчислили из школы. Началась трудовая деятельность. Приблизительно, в возрасте 24 лет он женился на своей кузине Лусик. Она

подарила мужу трёх сыновей: Эдика, Рантика, Арега, и дочь Зарик. Дядя Гурген работал на Кировабадском масложиркомбинате дежурным электриком. В 1942 году во время ночного дежурства он попал по напряжению и погиб. У него осталось четверо несовершеннолетних детей. Дед Сантри, бабушка Олинка и дядя Саша по возможности помогали семье дяди Гургена.

Эдуард (Эдик) родился в 1927 году. После смерти отца стал работать. Выучился на шофера. Службу в армии проходил в г. Степанакерте. Здесь он познакомился со своей будущей женой Октябриной, дочерью уважаемого местного коммуниста Ахумяна. Эдик был честолюбивым парнем и любителем лёгких шуток. Когда взвод, в котором он служил, проходил мимо дома Ахумяна, Эдик выходил из строя и шёл по тротуару, не обращая внимания на требование взводного командира встать в строй. Как-то его назначили караульным на гауптвахте части. Желая показать свою доброту и независимость, Эдик выпустил на волю солдат, отбывающих наказание. Когда это обнаружили, то отбывающих наказание вернули на место, а Эдика присоединили к провинившимся.

Октябрина подарила мужу трёх дочерей. Эдик показал себя хорошим отцом и мужем. Он работал на грузовой машине, по возможности, заезжал в родительский дом, а иногда и к моим родителям. Хвалил свою машину и говорил, что она резва, как четырнадцатилетняя девушка. Во время карабахских событий он стал активным защитником независимости Арцаха. Отпустил бороду и стерёг какой-то объект с винтовкой в руках. Скончался он в 2001 или в 2002 году. Похоронен в городе Степанакерте.

Своих дочерей он выдал замуж. Со своими семьями они живут в Арцахе.

Грант (Рантик) родился в 1929 году. Военскую службу прошёл в районе г. Одессы в береговой охране. По возвращении из ар-

мии выучился профессии заготовщика обуви. В этом ему сильно помог мой отец. Рантик до сих пор помнит эту заботу и не упускает случая выразить благодарность дяде Гагику, который обеспечил ему «кусочек хлеба» на всю жизнь. Рантик в течение многих лет показал себя чутким родственником, гостеприимным и приветливым человеком. В течение многих лет он был внимателен к семье моего отца, особенно на склоне лет моих родителей.

В середине 50-х годов Рантик женился на девушке по имени Жасмен. Дом её родителей находился недалеко от домов моих школьных друзей, у которых я часто бывал. Поэтому я знал её, сестру и братьев. Мой отец ей помог устроиться на работу в сберкассу, где она проработала много лет. Жасмен подарила Рантику двух сыновей Гургена, Корюна и дочь Гаяне.

Гурген и Корюн хорошо учились в школе. Затем Гурген окончил факультет технической кибернетики Ереванского политехнического института и стал работать на одном из предприятий г. Еревана. Женился. В начале 90-х годов по совету своего тестя, полковника, стал офицером армянской армии. Прошёл курсы переподготовки офицеров и по сведениям, полученным мною от его отца, Рантика, по состоянию на лето 2003 года Гурген в звании подполковника служил офицером Генштаба армии Республики Армении.

Второй сын Рантика, Корюн, после окончания школы уехал в г. Павлодар к своему дяде, брату Жасмен. Дядя имел там шашлычную. Корюн помогал ему в работе. По-видимому, он имел неплохой заработок, что определило его жизнь и род деятельности в дальнейшем. Единственный раз я видел его взрослым мужчиной в начале 90-х годов на похоронах мужа Гаяне, дочери Рантика. Он был неженат. Это был рослый, грубоватый, модно одетый парень.

Гаяне, дочь Рантика, была значительно моложе своих братьев. Эта была желанная дочка в семье, хорошенькая и энергичная. За-

кончила языковой факультет одного из ВУЗ-ов г. Еревана. Быстро вышла замуж за сына армян-репатриантов. Родила ребёнка. Но произошло несчастье: внезапно умер муж, отравившись парами кислот на кустарном производстве, которое сам же организовал. Вскоре вся семья родителей мужа переехала в США на постоянное жительство. С ними, забрав ребенка, уехала и Гаяне. Согласно сведениям, полученным от Рантика, в США Гаяне вышла замуж за тамошнего армянина. Живут они хорошо.

Дочь дяди Гургена, Зарик, родилась в 1931 году (ориентировочно). Я помню её скромной симпатичной девушкой. В 1949 году Зарик вышла замуж за армянского молодого человека по имени Ваня из г. Тбилиси. Ваня приехал в г. Кировабад на поиски невесты, симпатичной и из хорошей семьи.

Молодые люди понравились друг другу. Немедля сыграли свадьбу, и молодой муж увёз Зарик на новеньком «Москвиче» самого первого выпуска (кажется, 401). В 1949 году я с бабушкой Любой находилась в г. Тбилиси и побывала в гостях у Зарик. Дом родителей Вани находился на Авлабаре (бывший армянский пригород старого Тифлиса). Зарик подарила мужу трёх симпатичных дочерей: Свету, Нору и Лиану.

Света давно замужем и живет в Ереване. У неё взрослые дети. Муж Саакян Артур, с которым я познакомился ориентировочно в 1990 году, был в то время комендантом корпуса №2 гостиницы «Эребуни». В этом корпусе Артур помог разместиться Рантику и Розе и стремится помогать им по необходимости, по сей день.

Со Светой я познакомился на похоронах нашего общего родственника Бабаджанова Жоры в конце 80-х годов. Это была красивая женщина, ей было тогда под 40 лет. Работала завучем в школе. Она обрадовалась знакомству со мной.

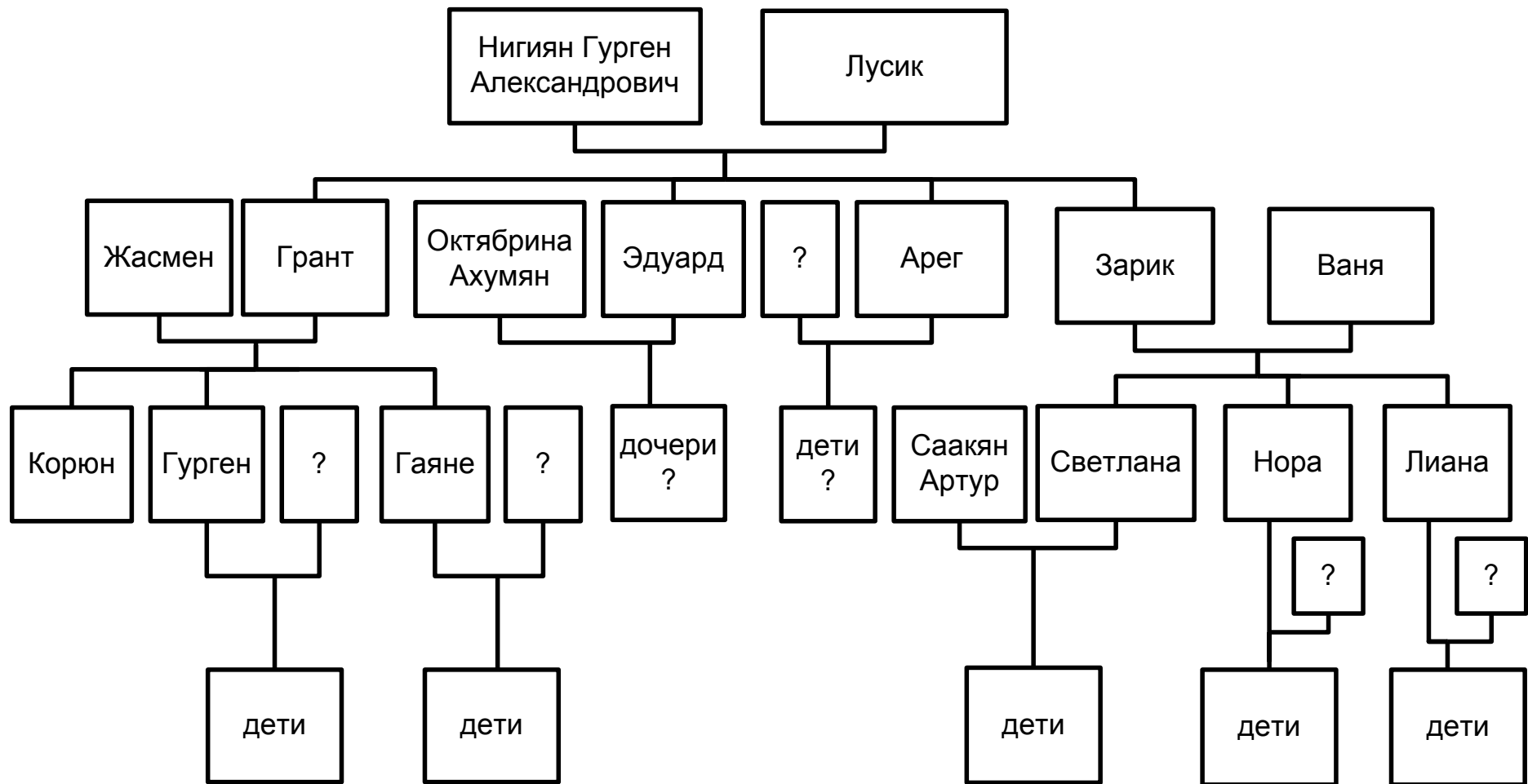

Рисунок 8 Семейство и потомки Гургена А. Нигяна

Вторую дочь Зарик, Нору, я увидел, когда она с матерью приезжала в г. Кировабад к своей бабушке Лусик. Это была симпатичная девушка лет 16 с большими глазами и сочными губами, очень похожая на своего отца Ваню. Скажу по секрету, что мой брат Шурик и Нора были равнодушны друг к другу. Но их взаимное влечение ограничилось юношеским возрастом. Много лет спустя Нора вышла замуж за офицера армянина и в настоящее время живёт в Москве. С ней живёт также её мать, Зарик. Года два назад у них побывал мой брат Шурик, который ездил в командировку в Москву. Там он встретился также с сыном Рантика, Корюном, который в настоящее время также живёт в Москве.

Третью дочь Зарик, Лиану, я видел всего один раз на похоронах мужа Гаяне в г. Абовяне. Это была молодая замужняя женщина милостивой внешности.

Третий сын дяди Гургена, Арег, родился в 1939 году. Ему было всего три года, когда погиб отец. Детство его прошло в нужде. Тем не менее, Арег окончил среднюю школу и поступил в Зооветеринарный институт в г. Ереване. Он испытывал не только материальные трудности, но и академические. Историю партии преподавал некий Багатур Сергеевич Сейранян (если не ошибаюсь) родом из Геташена (с. Чайкенд Ханларского района). Экзамен по его предмету Арег так и не смог сдать и был отчислен из института. Некоторое время до призыва в армию Арег работал крановщиком на строительстве в г. Абовяне. После службы в армии Арег поселился в г. Туапсе. Женится и нашёл своё место в жизни. До настоящего времени (2004 год) место жительства не изменил.

Жена дяди Гургена, Лусик, прожила долгую, но нелёгкую жизнь. Она увидела не только внуков, но и правнуков. И в этом заключалось её материнское счастье.

Гургеновская ветвь Нигиянцев интенсивно почковалась и получила широкое развитие. Потомки дяди Гургена воспринимали жизнь такой, какова она есть, и послушно плыли по её волнам.

3.1.4 Гагик Александрович Никиян

Мой отец Гагик родился 23 июля 1902 года в селе Мурут, куда семья Нигиянцев выезжала на дачу каждый год. Детство отца прошло в большом доме с фруктовым садом, коровником и свинарником. Приходилось ухаживать за деревьями, скотиной, привозить в бочке воду из родника. Отец учился в армянской школе, которую окончил в годы революции. Этим, возможно, объясняется то, что мой дед Сантри не смог обеспечить учебу сына в институте. Поэтому отец поступил учеником к мастеру по шитью обуви (кошкакар) усте Навасарду. Пройдя курс обучения, он получил соответствующую справку. Многие годы спустя, когда отец был известным в городе врачом, он продолжал поддерживать связь со своим учителем сапожного ремесла. Я, будучи мальчишкой, помню усту Навасарда, который приходил к отцу за советами.

В 20-х годах отец был уже экономически самостоятельным человеком, когда решил продолжить образование в ВУЗ-е. По видимому, в этом его поддержал дядя Рафаэль, который был проректором Астраханского медицинского института. При этом, естественно, всякая протекция со стороны дяди Рафаэля полностью исключалась. Единственная поддержка заключалась в том, что отец мог жить в семье брата.

В 1931 году отец окончил Астраханский медицинский институт и вернулся в родной Кировабад с дипломом врача. Он избрал специальность хирурга, работал в отделении скорой помощи в Центральной больнице.

Летом 1936 года Гагик Александрович был командирован в г. Баку на курсы повышения квалификации. Волею судьбы тем же поездом и тем же вагоном в Баку ехала моя мама, Татьяна Николаевна. Гагик был коренастым белолицым мужчиной с чёрными волосами и большими чёрными глазами. С сильными руками хирурга.

Татьяна только что окончила рабфак (так называлась вечерняя школа для работающей молодёжи), ей было полных двадцать лет. Это была симпатичная девушка, белокожая с хорошим цветом лица, с серо-голубыми глазами и густыми волнистыми каштановыми волосами. Татьяна ехала поступать в Азербайджанский медицинский институт. Молодые люди раньше знали друг друга в лицо. А теперь судьба предоставила им шанс более близкого знакомства. В декабре они поженились, а в сентябре 1937 года родился первый сын (то есть я), которого назвали Николаем, в честь деда.

Тем временем обстановка на международной арене накалялась. Гитлеровская Германия «присоединила» Австрию, оккупировала Чехословакию и захватила в 1939 году Польшу. Отца призвали в армию в качестве военного врача и направили в воинскую летную часть недалеко от посёлка Перикюшкюль (в зоне г. Баку). Татьяна поехала к мужу, а сына отдали на попечение бабушке Любе. В ноябре 1939 года началась война с белофиннами. Отца направили на финский фронт под г. Ленинград. После окончания этой малой войны отец продолжал служить в армии. Дома, в Кировабаде, он внезапно появился летом 1941 года, приехал всего на несколько часов и отбыл на германский фронт. С тех пор отца я не видел вплоть до декабря 1945 года. Отец чудом уцелел во время войны. Всё это время он провёл в аду медсанбата в 2-3 км от передовой позиции. Демобилизовался в 1946 году в звании майора.

В 1952 году в семье Гагика и Татьяны родился второй сын, которого назвали Александром, в честь другого деда.

Старший сын Гагика, Коля, учился в школе хорошо и окончил её с серебряной медалью. Поступил в Ереванский политехнический институт по специальности «Электрические машины и аппараты» (вспомним совет бабушки Олинки), окончил институт в 1960 году и остался жить в Ереване. Поработал на заводе и поступил в аспирантуру. Защитил кандидатскую диссертацию в 1970 году первым из Нигиянцев. В 1975 году Коля женился на Маре Парсаданян, старшей сестре его бывшей студентки Кнарик. Мара подарила мужу двух сыновей – Сергея (1976 г.р.) и Айка (1978 г.р.). Сергей в старших классах школы проявлял интерес к программированию на компьютере и по окончании школы, в 1992 году поступил в Государственный инженерный университет Армении (ГИУА) на факультет вычислительной техники.

Между тем отец Сергея, Николай, не сидел сложа руки. Он подготовил и защитил – также первым из Нигиянцев – докторскую диссертацию в г. Санкт-Петербурге в 1993 году.

В 1991 году после трёх лет противостояния Центру СССР Армения, наконец, вышла из состава СССР до его тотального распада в 1991 году. Обретение независимости было выгодно только правящей элите, но никак не населению. Возникли трудности с продовольствием, ухудшились бытовые условия, велась война с Азербайджаном, на которой гибли молодые ребята. Надежды на скорое улучшение ситуации не было. В этих условиях Николай воспользовался приглашением работать в Оренбургском политехническом институте и переехал с семьёй в г. Оренбург. Тем самым успешно решались вопросы продовольствия, быта и спасения сыновей от бессмысленного риска на войне в Карабахе.

В связи с изложенным, Сергей Никиян продолжил получение высшего образования в г. Оренбурге и окончил университет в 1998 году. Его фотография была помещена на доску почёта как студента,

имеющего отличные показатели в учебе и научной деятельности. В настоящее время он живёт в г. Оренбурге и работает начальником отдела по своей специальности в филиале Тюменской нефтяной компании. Не женат. Поступил в аспирантуру, но не довёл работу до конца, так как посчитал, что ничего ему это не даст, кроме степени.

Второй сын Николая, Айк окончил начальную инженерную школу при Оренбургском государственном университете в 1995 году. Поступил в ОГУ на вновь открытую специальность «Инженерное дело в медико-биологической практике». За отличные показатели в учёбе и студенческой научной деятельности ему была присуждена стипендия Правительства РФ, а фотография помещена на доску почёта. По окончании ОГУ в 2000 году Айк поступил в аспирантуру по физике, подготовил диссертацию по биофизике и защитил её в Саратовском государственном университете в 2004 году. Женат на Ольге Давыдовой, аспирантке ОГУ. Айк с женой живут в г. Оренбурге.

Второй сын Гагика Александровича, мой брат Александр (дома – Шурик), со школьных лет воспылал любовью к работе в милиции. Однако после окончания школы он поступил по настоянию родителей в 1972 году в Ереванский государственный университет на филологический факультет. Ещё до окончания ЕГУ Шурик женился на студентке того же факультета Наргиз (Алине) Казарян. В 1978 году у них родился сын Виген. После окончания университета Шурик получил, всё-таки, направление на работу в органах милиции Ставропольского края. Служил он хорошо и получал повышения по службе. В конце концов, он обосновался в г. Владикавказе, где получил квартиру. Однако семейная жизнь с Алиной не ладилась. В итоге последовал развод, и Алина с сыном вернулась к её родителям в Ереван. Шурик женился второй раз на девице с верх-

него этажа того же жилого дома. Детей у них нет. Со своим сыном Вигеном Шурик не поддерживает связь. А отеческая помощь Вигену весьма нужна. По состоянию на 2003 год Шурик в звании полковника работал в МВД РСО инспектором по личному составу.

Таким образом Гагиковская ветвь Нигиянцев получила продолжение, удовлетворительное с точки зрения количества потомков, и весьма высокое с точки зрения качества (по уровню интеллектуального развития).

Несколько слов о моём отце. Это был здоровый, уравновешенный и умный человек. Долгое время он считался лучшим хирургом—травматологом в городе. Но жил он скромно, больных не обирал, как другие врачи. Эти его качества люди ценили. Бывшие больные помнили его человеческое отношение и высокий профессионализм. И часто помогали решать различные бытовые вопросы, даже через много лет после своего излечения.

Отец отлично знал свою специальность, но разбирался и в других областях знаний, например, в строительстве. И, конечно, мог хорошо оценить качество обуви. После войны, когда существовали трудности с товарами народного потребления, он сам сшил для жены отличные модные туфли нескольких видов. Мною он гордился и даже замечания делал осторожно. Когда я учился в институте, то к моим товарищам по общежитию часто приезжали родители, чтобы повидать и проверить учёбу. А ко мне никто не приезжал. И зачетную книжку родителям я не показывал. «Почему вы не приезжаете в Ереван и не проверяете меня? Может, я вас обманываю?» - спросил я отца. «Мы тебе доверяем» - последовал ответ. Вопрос был закрыт. Такие доверительные отношения существовали между всеми членами семьи. И в этом заслуга моих отца и матери.

Во время войны отец не был ранен, но чудовищное нервное напряжение и адская работа в медсанбате среди потоков крови и

смертей расшатали здоровье отца. Начали пошаливать сердце и другие внутренние органы. После войны долгие годы мучили головные боли. Но отец мужественно переносил их и не жаловался. Скончался Гагик Александрович 30 марта 1982 года, не дожив несколько месяцев до своего восьмидесятилетия. Похоронен рядом с Мелик-Бегляровыми в г. Кировабаде.

3.1.5 Корюн Александрович Нигиян

Дядя Корюн родился в г. Гяндже в 1904 (или 1906) году. О его детстве и юности я не имею сведений. Знаю только, что он окончил АзСХИ по специальности «Инженер гидромелиоратор». Помимо специальности его интересовали техническое творчество и фотография. Своему, по-видимому, любимому двоюродному брату Армену Нигияну дядя Корюн подарил «Книгу юного конструктора» с дарственной надписью. Сам он имел новый по тем временам, один из первых советских фотоаппаратов ГОМЗ «Фотокор-1».

«Книга юного конструктора» 1936 года издания после войны досталась мне. Это была буквально энциклопедия технического творчества, возможно, первая книга такого рода, изданная в Советском Союзе. Она стала моей настольной книгой в течение пяти лет. По описаниям в этой книге я изготовил действующие модели паровых машин, турбины, несколько видов двигателей постоянного тока, парового глиссера. Освоив изготовление этих машин, я пошёл дальше, модернизировал и дополнял конструкции.

Помог мне и фотоаппарат дяди Корюна: я научился фотографировать и получать снимки.

По описаниям моей матери Татьяны Николаевны, дядя Корюн был человеком, открыто выражающим свои мысли, за словом в карман не лез, защищал и поддерживал своих близких. Родители

считались с его мнением. В моей детской памяти сохранился случай, когда он взял меня на руки, а я держал игрушечного зайчика – барабанщика (1940-1941 г.г.).

Дядя Корюн ушёл на войну, не успев создать семью. По-видимому он был командиром саперного подразделения: строил переправы, ремонтировал разрушенные дороги. Один из армян, служивший с дядей Корюном, рассказывал Мадату Михайловичу (мужу моей тётки Гени), что за дядей Корюном была установлена в армии слежка из-за его независимых высказываний.

В 1942 году немецкие войска ворвались в Крым. Кровопролитные бои разразились на Керченском полуострове. Город Керчь обороняла 118 армянская национальная дивизия, где находился дядя Корюн. Силы были неравными. Дивизия понесла огромные потери, она была сброшена в пролив, и только немногим удалось добраться до Таманского полуострова. Небольшая часть дивизии попала в плен. Родители дяди Корюна получили извещение, что он пропал без вести.

В том же, 1942 году, погиб на фронте самый младший сын Нигиянцев, Шмавон. Можно только удивляться силе духа бабушки и дедушки, которые за один год потеряли трёх взрослых сыновей (Гургена, Корюна и Шмавона). Но вокруг было столько горя! На родственников, знакомых, соседей дождём сыпались похоронки, так что свое горе воспринималось как частица общего горя.

Но вот закончилась тяжелейшая война. Стали возвращаться под родной кров участники боёв. Стали возвращаться даже пропавшие без вести – попавшие в плен, отсидевшие в немецких концлагерях и чудом выжившие люди. Но вот подарок! Этих несчастных арестовывали и ссылали вновь в концлагеря, но теперь уже «родные». Вина их заключалась в том, что они не погибли, а попали в плен и выжили. Но дядя Корюн так и не появился. Шли годы.

Иногда возникал слух, что он жив и находится где-то очень далеко. Но в это хотела верить только бабушка Олинка.

В разгар холодной войны между СССР и США в конце 50-х годов в г. Тбилиси из США приехали туристы армяне. Через знакомых они сообщили тётке Гене, что хотят передать ей нечто важное, но при условии непосредственной встречи. Встреча состоялась. Тётке Гене было сообщено, что дядя Корюн жив, живёт в США в районе Лос-Анджелеса и были переданы фотографии его и жены с тремя детьми. Вот так! Вся эта информация сохранялась Нигианцами в секрете, так как граждане СССР, имеющие родственников за рубежом (а в США – тем более), могли подвергнуться репрессиям.

Шли годы, напряженность холодной войны уменьшилась и возникла возможность переписки с дядей Корюном. Оказалось, что в районе г. Керчь он действительно попал в плен и затем был помещён в немецкий концлагерь. По окончании войны он мог вернуться на Родину. Но он хорошо представлял, что ждёт его в СССР. И поехал на запад, в США.

Дядя Корюн появился в США как перемещённое лицо. Начало жизни в «раю» было несладким. Причины понятны. Ему оказала большую помощь женщина – немка по имени Анна, которая впоследствии стала его женой. Дядя Корюн открыл магазин. Занялся изобретательской деятельностью. Местный журнал поместил статью о его рационализации конструкции телевизора. Жизнь наладилась, появились и подросли дети – две девочки и мальчик по имени Александр (Алекс). Если не ошибаюсь, в конце 70-х годов по приглашению дяди Корюна к нему ездил двоюродный брат Симон Нигиан, сын Арташеса, брата деда Сантри. Дядя Корюн принял его хорошо, но сомневался в его порядочности и искренности, считая, что Симон является агентом КГБ.

Много лет спустя, в конце 80-х годов, младшая сестра моей жены, Рипсик, вышла замуж в Ереване за американца армянского происхождения Грача Арзуняна, и уехала к нему в район г. Лос-Анджелеса, в город – спутник Монтебелло. В нём армяне составляют значительную часть населения. Дядя Корюн тоже жил в Монтебелло. Мы с женой сообщили его адрес и попросили Рипсик зайти к Нигиянам. Оказалось, что это совсем недалеко от дома Арзунянов. Да, мир тесен и притом очень! Это было в 90-х годах. Дяди Корюна уже не было в живых. Он скончался в начале 80-х годов.

Рипсик, увидав портрет дяди Корюна, нашла, что между мною и дядей Корюном, есть что-то общее. Что ж, возможно, – гены-то общие, нигияновские.

Таким образом, Корюновская ветвь Нигиянцев получила продолжение и, притом, в Новом Свете! И всё это при самом невероятном стечении обстоятельств, сплетении событий и человеческих судеб.

3.1.6 Александр Александрович Нигиян

Дядя Саша родился в г. Гяндже в марте 1908 года. Окончил АзСХИ по специальности «инженер гидромелиоратор». Дядя Саша был выше среднего роста, белокожий, черноволосый. Лицом похож на свою мать, бабушку Олинку. По характеру мягкий, добрый, любил юмор. После окончания института его направили на строительство Самур-Дивичинского оросительного канала на севере Азербайджана. Единственным средством связи с родными была почта. Но дядя Саша писать письма не любил. Молчание его уже стало сильно беспокоить родителей, когда, наконец, пришло письмо от сына. Адрес на конверте был написан рукой дяди Саши, в нём был

вложен совершенно чистый лист бумаги. То - есть писать было не о чем!

Свою трудовую деятельность дядя Саша продолжил в средней школе преподавателем математики. Его как члена ВКП(б) назначили директором железнодорожной школы города Кировабада. В этой связи во время войны он имел бронь от призыва в армию. Жил он со своими родителями и был для них опорой. Иногда заходил к нам проведать. Приносил что-нибудь сладкое. Это было очень приятно, так как шла война и со сладостями было очень трудно. Я ещё не ходил в школу. Дядя Саша любил «заводить» меня, разговаривая со мной на ломанном русском языке. Например: «Какой ты хорошая мальчик!» Я поправлял его и говорил бабушке: «Директор школы, а говорить по-русски не умеет!» Дядя Саша приходил в восторг.

Дядя Саша переписывался с моим отцом, который был на фронте. Успокаивал его, что жена и сын здоровы и ждут его.

Дядя Саша считался завидным женихом, к нему были неравнодушны девицы разных возрастов, в том числе Гоарик Григорьевна Цамерян, впоследствии моя учительница географии. Но дядя Саша не торопился жениться.

И вот в железнодорожной школе появилась новая учительница русского языка и литературы Варвара Николаевна Марацуца. Она окончила языковой факультет одного из бакинских ВУЗ-ов. Это была довольно крупная девушка лет 25-26, белокожая, с эмоциональным характером. Дядя Саша ей, конечно, понравился: директор был недурён собой, пользовался авторитетом среди коллег и у начальства, любил пошутить. Варвара Николаевна также понравилась дяде Саше. В 1948 году они поженились, а в 1949 году у них родились сразу два сына – Сёма и Слава. В 1953 году жена подарила дяде Саше дочку Таню. Семья дяди Саши проживала в старом

отчем доме в окружении армян. Варвара Николаевна выучилась армянскому языку (кировабадский диалект) и разговаривала с бабушкой Олей по-армянски.

Дядя Саша и Варвара Николаевна перешли работать в школу, расположенную недалеко от дома моих родителей, часто заходили к нам, делились новостями и мыслями. Сёма и Слава на «отлично» учились в той же школе.

Сёма проявил способности в математике, а Славик бредил астрономией, знал звёздную карту неба. Родители следили за их общим культурным развитием: мальчики учились в музыкальной школе, изучали английский язык. Контроль за выполнением заданий проводила мать.

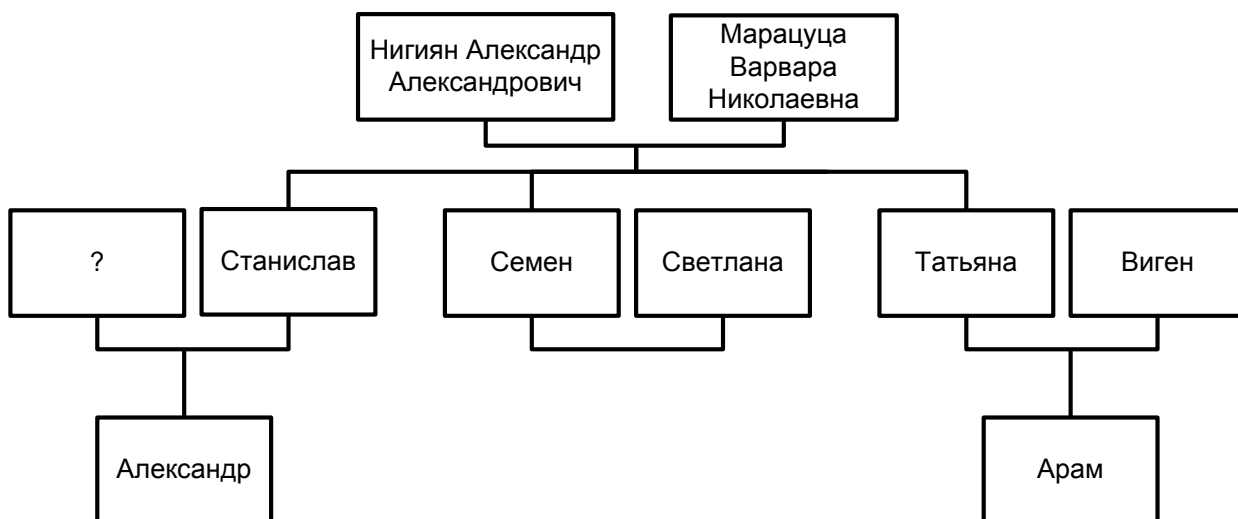

Рисунок 9 Семейство Александра А. Нигяна

В 1966 году они с медалями окончили школу: Сёма – с золотой, Слава – с серебряной. Поступили они в Ереванский государственный университет: Сёма – на механико-математический, а Слава – на физический факультет.

По окончании университета Сёма был оставлен на кафедре прикладной математики и поступил в аспирантуру, а Славик стал

работать в Бюраканской астрофизической обсерватории. Таня, дочь дяди Саши, поступила на филологический факультет ЕГУ и окончила его в 1975 году. В это же время там учился мой брат Шурик.

В 1976 году в семью дяди Саши пришла беда. Тяжело заболела и скончалась жена, Варвара Николаевна. Ей было всего 54 года.

Сёма защитил диссертацию в конце 70-х годов и продолжил работу на кафедре.

В начале 80-х годов Таня вышла замуж в Ереване за парня по имени Виген. У них родился сын Арам. Это был первый внук, которого увидел дядя Саша. Потеряв жену, дядя Саша жил один в отцовском доме. Ему оказывал помощь вездесущий Рантик. Иногда дядя Саша ездил в Ереван к детям.

Славик уехал в Москву на поиски счастья. По его словам он решил «объединить свои мозги с красным цветом». Там он женился и стал работать в редакции районной газеты в подмосковном городе Жуковском. Вскоре у него родился сын Александр.

Весной 1988 года после зимовки в Ереване у детей дядя Саша вернулся в свой родной, но холодный дом. Здесь он простудился и вскоре скончался. Ему недавно исполнилось 80 лет. На похороны приехали все его дети, а также племянники: я, Шурик, Жозик. Пришли кировабадцы – родные и знакомые, соседи. Похоронили дядю Сашу рядом с женой. А тем временем межнациональные отношения в Кировабаде накалялись. Оставался только год до насильственного изгнания армян из Азербайджана. Этой трагедии дядя Саша не вынес бы, если бы остался жить ещё год.

Летом 1989 года большой нигиянцевский дом был занят азербайджанцами.

Семён Александрович Нигиян женился на Светлане, племяннице известного советского ученого академика, Андраника Гевондовича Иосифяна. Живут они на проспекте Маштоца в центре го-

рода Еревана. Детей у них нет. В 1998 году Сёма защитил в Москве докторскую диссертацию по математике. Он заведует кафедрой прикладной математики ЕГУ.

Сын Тани Арам вырос и учится на факультете технической кибернетики ГИУА. Он принял фамилию матери и стал Нигияном. Сёма опекает его.

Мне неизвестно, как в последние годы сложилась судьба Станислава Александрович Нигияна и его сына Александра.

Немного о дяде Саше, как моём дядюшке. Собственно, только его я и считал родственником. Он тепло относился к семье своего брата Гагика и лично ко мне. Возможно, я был его любимым племянником. Но об этом я в те годы не задумывался. В студенческие годы летние каникулы я проводил в Кировабаде. Как-то дядя Саша пригласил меня принять участие в экскурсии с его выпускным классом на Мингечаурскую ГЭС. В другой раз мы с ним и мальчиками – Сёмиком и Славиком – поехали на пикник в Аджикенд. От других родственников со стороны отца подобного отношения я не видел. Дядя Саша вёл себя как старший друг и не допекал указаниями и нравочениями.

На своих мальчишек он мог рассердиться, но физического воздействия не применял. Предоставлял эту меру воспитания матери.

3.1.7 Евгения Александровна Нигиян

Тётя Геня родилась в 1910 году в г. Гяндже. Окончила армянскую школу. Мне неизвестно, продолжила ли она своё образование. Ориентировочно, в 1934 году вышла замуж за Арутюнова Мадата Михайловича, родом из армянского села Эркеч, входившего во владения моего деда Мелик-Беглярова Николая Александровича.

Тётя Геня была довольно крупной женщиной своеобразной красоты, с большими черными глазами, белой кожей и чёрными волосами, как у всех Нигиянцев.

Дядя Мадат рослый мужчина с эмоциональным характером, был непрочь покричать на кого угодно, вспыльчивый, неуравновешенный. Насколько мне известно, профессионального образования не получил. Работал там, где можно хорошо заработать или урвать: экспедитором, заведующим складом, кассиром на фабрике.

Нигиянцы его недолюбливали за эти качества, но терпели, так как действия дяди Мадата были направлены на благополучие семьи, а тётя Геня его любила.

Тётя Геня родила трёх детей: Рудольфа (Рудика, 1935 г.р.), Рувеллу (1938 г.р.) и Виктора (1941 г.р.)

Рудик был своеобразным, но простым и добрым мальчиком. Мы с ним учились вместе в шестом классе. Учеба давалась ему с трудом. В течение нескольких лет семьи наших родителей на лето уезжали на дачу в село Аджишен (Камо), там вместе с Рудиком мы шатались по горам и долам, выполняли поручения родителей. Как-то во время прогулки мы присели отдохнуть под деревьями. Над нами возвышалась громада горы Кяпяз (высота 3050 м над уровнем моря). Рудик меня спросил:

– Ты хотел бы жить здесь, ни с кем не встречаясь, только есть, пить и спать?

– Нет, - не задумываясь, ответил я.

– А я хотел бы!

В старших классах он перевёлся в вечернюю школу и стал работать на текстильном комбинате (если не ошибаюсь). В пятидесятых годах привёз откуда-то с юга России молодую жену Людмилу (Людю). Она родила ему двух сыновей, старшего звали Генкой. Как муж Рудик оказался несерьёзным, оставил семью в Кировабаде и

уехал в Ростов-на-Дону. Там он снова женился. Сбылась его мечта, он работал в пивном баре. Располнел, носил очки. Сам он считал, что внешне похож на Валентина Зорина, политического обозревателя тех лет. С ним как-то встретился мой брат Шурик. Рудик был рад встрече, в разговоре признался, что жизнь примака (мужа, живущего в доме жены) его тяготит. В конце 80-х годов я узнал, что Рудик в Ростове внезапно умер от инфаркта. Его первая жена Люда, оставшись брошенной с двумя детьми, как могла, добывала деньги, чтобы прожить, используя различные пути, вплоть до предосудительных.

Дочь тёти Гени, Рувелла, окончила среднюю школу. Чем она была занята в последующие годы, мне не известно. Знаю только, что в неё был влюблён сын соседей Юрик Оганесян. Они поженились и у них родилась дочка Таня. Рувелла ожидала второго ребёнка, когда у неё случился заворот кишок. Спасти её не удалось. Дочка Таня осталась без матери. Ей было тогда не более пяти лет.

В 1990 году (если не ошибаюсь) я повёз своего сына Серёжу в поликлинику Юго -Западного массива («Бангла-Деш») г. Еревана, где главврачом была моя кировабадская знакомая Авчиян Светлана. Я обратил внимание на секретаря главврача, стройную молодую женщину, чем-то напоминающую известную актрису Софи Лорен. Оказалось, что это и есть Таня, дочь моей двоюродной сестры Рувеллы. Таня очень обрадовалась нам. Она вышла замуж за ереванца и уже имела ребёнка. Вот так. И снова – мир тесен!

Младший сын тёти Гени, Виктор, окончил школу и поступил в городе Кургане в ВУЗ на пищевой факультет (технология мяса и молока). Там работал преподавателем односельчанин отца. Отец «учил» сына, Виктора, как нужно «делать деньги». В результате сын попался как посредник в даче взятки и попал в исправительное учреждение. В то время Виктор учился на третьем курсе. Отбыв

назначенный срок, Виктор решил уехать подальше от г. Кургана и подался в г. Минск. Завершив получение высшего образования, стал работать по специальности. Приехал в г. Кировабад, женился на армянке по имени Белла и взял её в г. Минск. У них родились мальчик и девочка. Имен их я не знаю. Но в настоящее время это уже взрослые люди.

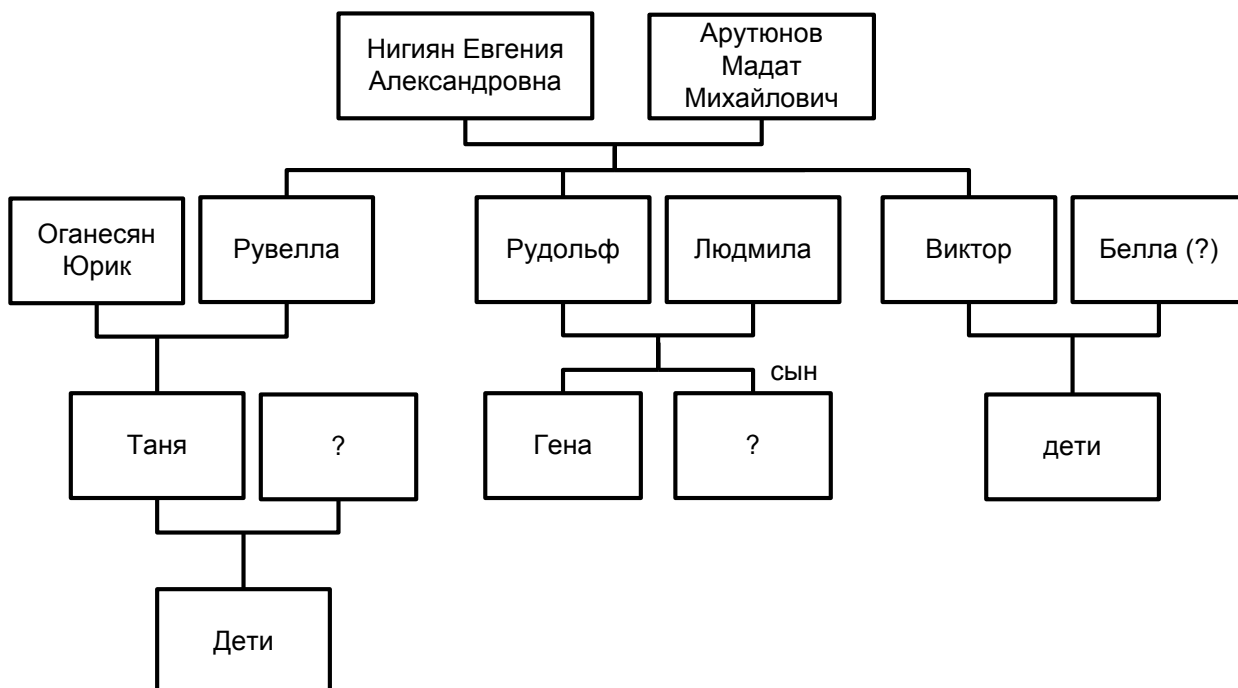

Рисунок 10 Семейство Евгении А. Нигиян

С Виктором я переписывался в начале 90-х годов: хотел узнать, можно ли найти работу в Минской Политехнической академии. Он исправно выполнил мою просьбу и сообщил нужную мне информацию. За это я ему благодарен.

На старости лет тётя Геня и муж остались одни: Рувеллы не было в живых, а сыновья были далеко. Родственникам казалось, что Мадат скопил на черный день определенную сумму. Однако позже выяснилось, что у него нет ничего. И он перешёл в мир иной. Скончалась и тётя Геня.

3.1.8 Шмавон Александрович Нигиян

Дядя Шомик родился в 1912 году в г. Гяндже. Где он учился и какую профессию имел мне не известно.

В моей детской памяти он остался молодым человеком довольно высокого роста. Ухаживал он за нашей соседкой (по ул. Шаумяна, 49) по имени Соня. Эта была невысокая полноватая приветливая девушка. Шомик не успел жениться, его призвали в армию. Здесь он попал ординарцем к командиру кавалерийского подразделения. Как-то Шомику поручили подрезать хвост лошади командира. Однако командиру показалось, что хвост подрезан слишком высоко, он рассердился и отказался от ординарца. Шомика послали на фронт. Там он погиб. Из-за пустяка. Не успев повидать жизнь. Ему, возможно, исполнилось только 30.

3.2 Арташес Соломонович Нигиян

Был младшим братом моего деда Сантри. Год его рождения мне неизвестен, но он был значительно моложе брата. Также был купцом. Имел магазин. Женился, когда ему было за сорок лет. Я помню его жену тётю Маню уже в сороковых годах. Самого Арташеса я не видел.

Рассказывают, что он был в плохих отношениях со своим дальним родственником по фамилии Габузов Арарат. Тот донес на Арташеса в НКВД, как на врага советской власти. Это было достаточно для высылки Арташеса в отдаленные места. Так родственник свёл с ним счёты. Через несколько лет Арташеса вернули в г. Кировабад. Но было поздно, он был неизлечимо болен психически. Инициатор высылки Габузов тоже долго не прожил, оставив после себя жену и кучу дочерей.

Маня родила мужу четверых детей: сыновей Армена (1920 г.р.), Симона (1927 г.р.), Рубена (1930 г.р.) и дочь Софью (1923 г.р.). После ареста и ссылки отца дети остались без средств к существованию. Матери и самим детям стоило большого труда, чтобы встать на ноги.

3.2.1 Армен Арташесович Нигиян

Мой двоюродный дядя Армен родился в г. Кировабаде в 1920 году. Его год рождения точно указала мне моя учительница русского языка и литературы Рипсима Гагиковна Аствацатурова, которая с ним училась в школе. Дядя Армен получил необычное воспитание. Отец (ещё до расправы с ним) отдал мальчика на воспитание в немецкую семью в немецкой колонии Еленендорф (8 км от г. Кировабада). Здесь сын в совершенстве изучил немецкий язык и правила поведения. Впоследствии эти знания очень пригодились в жизни.

Я познакомился (как ни странно) с дядей Арменом в начале 50-х годов. Это был мужчина выше среднего роста, шатен с рыжеватыми волосами. Верхняя губа находила на нижнюю. Говорил уверенно. Но вернёмся к юности дяди Армена. Окончив школу, он поступил в Ленинградский политехнический институт, по видимому, на специальность «Автоматика и телемеханика» (не уверен, что так называлась эта специальность до войны).

Дядя Армен ушёл в армию с третьего курса командиром артиллерийского взвода. И - попал в плен. Офицеров допрашивали больше, чем рядовых. Из-за внешности немцы решили, что дядя Армен еврей. Заставляли его сознаться. Сажали в душегубку, ставили к стене и стреляли над головой, после чего дядя Армен терял сознание. Положение дяди Армена усугублялось тем, что он понимал, что говорили о нём друг с другом немцы. Дядя Армен объяс-

нял им (по-русски) что он армянин, что он не обрезанный. Эти доводы, возможно, помогли. Его отправили в общий концлагерь для военнопленных. Здесь он промучился до конца войны. По окончании войны дядя Армен радостный вернулся в родной Кировабад. Но радость была недолгой. Его арестовали и посадили в концлагерь, теперь уже «родной», для тех, кто был в немецком плену (как прав был дядя Корюн, который предвидел такое развитие событий!)

После всех этих мытарств дядя Армен восстановился, всё-таки, на учёбу в своём ЛПИ. После окончания он был направлен на завод электросчетчиков в подмосковные Мытищи, где работал долгое время. Здесь он женился на девушке по имени Анна, которую знал по госпиталю ещё во время войны. Она родила двух сыновей, старшего назвали Александром.

Дядя Армен сыграл в моей жизни заметную роль в выборе профессии. Он появился у нас в Кировабаде, когда учился на четвертом курсе. Ему было года 32-33. Впервые я увидел человека, почти уже инженера – электрика. Тогда я учился в восьмом классе и уже имел опыт изготовления и наладки действующих моделей паровых машин, турбины и разных двигателей постоянного тока. Всё это было показано дяде Армену. Я забросал его вопросами по электрическим двигателям, в частности, как их спроектировать.

Дядя Армен разъяснил это так. Существует такое понятие – плотность тока q , которая измеряется в А/мм². Для двигателей она не должна превышать (4÷5) А/мм². Нужно спроектировать двигатель так, чтобы выполнялось это требование. Теперь, много десятилетий спустя, я точно могу сказать, что студенты специальности «Автоматика и телемеханика» не изучают проектирования электрических машин. И тогда дядя Армен был совершенно прав, что надо ориентироваться на плотность тока (электрическую нагрузку), чтобы двигатель не перегревался чрезмерно. Он посоветовал по-

ступить в ВУЗ по электротехнической специальности, так как здесь имеются широкие перспективы.

Другим моим увлечением, в котором принял участие дядя Армен, была электроэрозионная обработка металлов. О ней я узнал из популярной брошюры Юрия Долгушина «Искра режет металл», 1952 г. Для того, чтобы построить действующую модель станка, нужно было ещё немало узнать и сообразить конструкцию. Дядя Армен подсказал мне, какой должна быть электрическая схема и номиналы её элементов. Станок был спроектирован на постоянном токе с питанием от выпрямителя с кенотроном 5Ц4С. При подаче напряжения, к моей радости, станок заработал, но через несколько минут сгорел кенотрон, который явно не был рассчитан на относительно большой ток (для кенотрона $I_{\max}=0,2\text{А}$). Я стал усиленно интересоваться более мощными выпрямителями и узнал о существовании диодов типа ДГ-Ц. Вскоре эти свои занятия я прекратил, так как нужно было заканчивать школу.

Связь с дядей Арменом продолжалась и во время моей учебы в ЕрПИ. В 1956 году он прислал мне книжку «Модели, управляемые по радио» Клементьева, того самого, который входил в коллектив авторов «Книги юного конструктора». Но техническим творчеством в институте я уже не занимался – не было возможности.

Связь с дядей Арменом постепенно затухла. Как-то, находясь в Кировабаде, я узнал, что дядя Армен с одним из маленьких сыновей находятся в гостях у брата, Симона, в Кировабаде. Но что-то помешало нашей встрече.

Много лет спустя я узнал, что дядя Армен скончался от болезни желудочно-кишечного тракта. Не успел я с ним повидаться, будучи уже взрослым инженером. Очень жаль!

В 2001 году (ориентировочно) мой сын Айк сделал поиск по Интернету нашей фамилии «Нигиян». Оказалось, что в Москве проживает Нигиян Александр, которого Айк и знать не мог! Он сообщил, что его фамилия происходит от родовой фамилии «Нигунц», а отчество - Арменович. Для меня стало ясно, что это сын дяди Армена.

Мы ответили письмом, где сообщали, кто мы есть, а я добавил подробности из жизни его отца и сообщил даже имя матери. Всё совпало. Оказалось, что мать Аня жива и живёт с младшим сыном в г. Мытищи. У Александра есть взрослая дочь, которая получила профессиональное образование и работала в казино в качестве крупье. Но потом вышла замуж и ушла с этой работы. Сам Александр заведовал какой-то лабораторией по электронной технике в составе какого-то предприятия, но потом выделился в самостоятельную фирму.

Мой сын Сережа, находясь в командировке в Москве, по моей просьбе связался по телефону с Александром и предложил встретиться. Но Александр предложения не принял, сославшись на большую занятость. Показал себя человеком, не ценящим родственные узы. Ну и бог с ним! Ясно, что мы больше не пытались установить с ним связь.

Описанное послужило для меня важным стимулом для написания настоящих записок. Компактная прежде (в начале XX века) семья Нигиянцев теперь имеет многочисленных потомков не только в России, но и за её пределами (Беларусь, Израиль, США). Представители молодых поколений могут не знать друг друга, если не будет существовать памятных записок, проливающих свет на родственные связи Нигиянцев. В этом состоит цель данного скромного труда.

3.2.2 Софья Арташесовна Нигиян

Тётя Соня родилась в 1923 году в г. Кировабаде. Она окончила Азербайджанский медицинский институт в г. Баку и после окончания была направлена на работу в городок Зурнабад в 30 км от Кировабада. Зурнабад вырос на базе бывшего армянского села Скнапат. Тётя Соня была девушкой пухлогубой, пухлощёкой с громким голосом, роста среднего. Была похожа на свою мать Манию. Тётя Соня стала детским врачом и впоследствии долгое время была заведующей детской консультацией в г. Кировабаде. Пользовалась авторитетом среди коллег и признательностью родителей детей.

В 1945 году после окончания войны в Кировабад приехал военный врач Григорий Арутюнов, родной брат Мадата, мужа моей тётки Гени. Родственники посоветовали ему жениться на тёте Соне. Он поехал в Зурнабад познакомиться. Молодые люди понравились друг другу и решили пожениться. В 1946 году тётя Соня подарила мужу сына Валерика, а в 1952 году – дочь Мару (названную в честь матери тёти Сони).

После войны Григорий Михайлович остался на военной службе вначале за рубежом, затем в военном госпитале в Кировабаде. После демобилизации он работал врачом-отоларингологом. Купил небольшой дом с садиком по улице 9 января в Кировабаде.

Много лет спустя сын Валерий закончил Ереванский политехнический институт по специальности «электроника» и стал работать во вновь открывшемся тогда НИИ микроэлектроники, организатором и директором которого был известный в республике руководитель промышленности Гурген Чолахян. Семья родителей переехала из Кировабада в Ереван к сыну, где он получил квартиру в новом, пятнадцатом квартале. Тётя Соня и Валерик поддерживали

со мною родственную связь, и я неоднократно бывал у них. Жена Валерика по имени Сата – врач. У них двоё детей: сын Гриша и дочь. Гриша – инженер в настоящее время живёт в Москве.

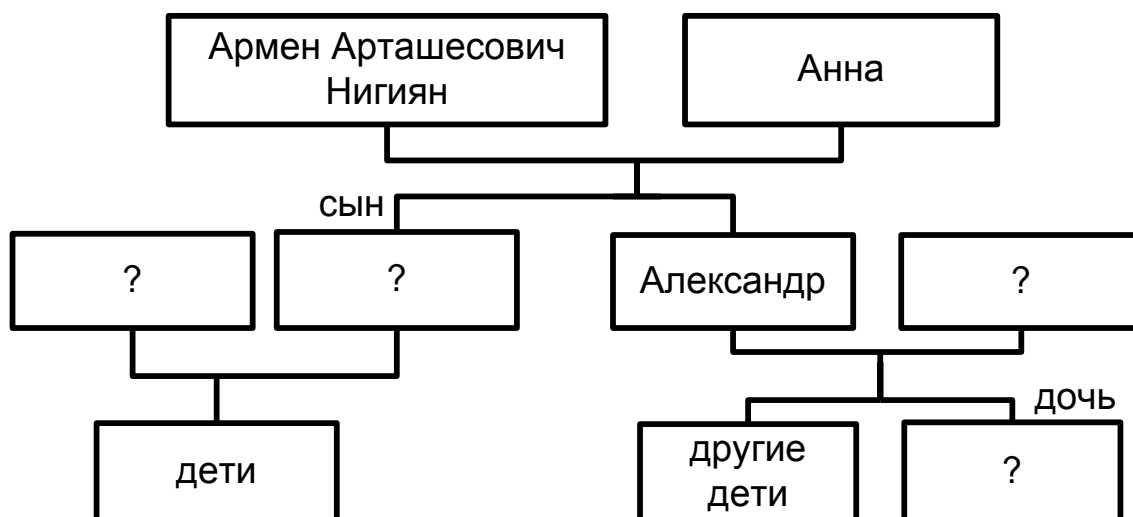

Рисунок 11 Семейство Армена А. Нигяна

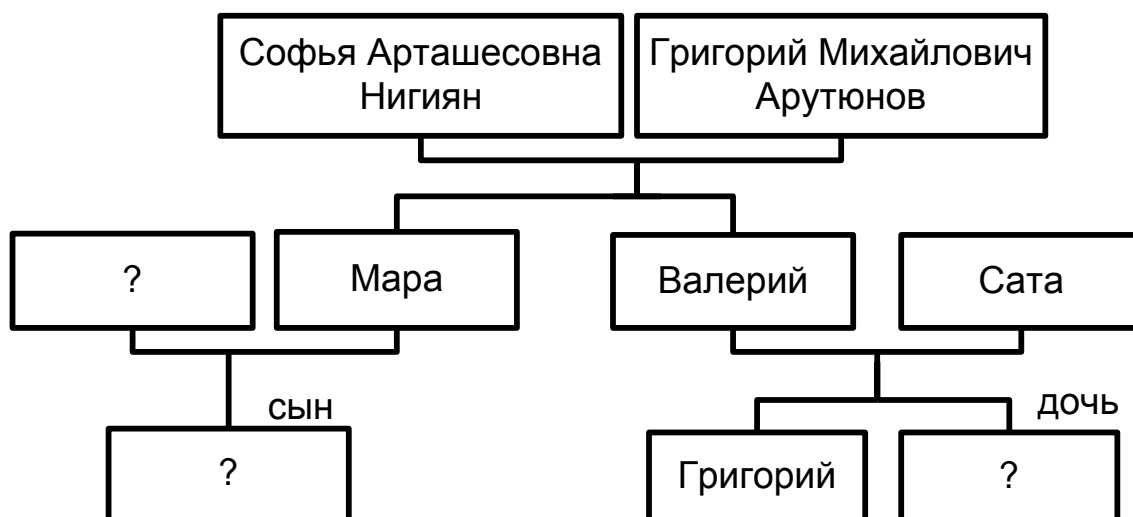

Рисунок 12 Семейство Софии А. Нигяна

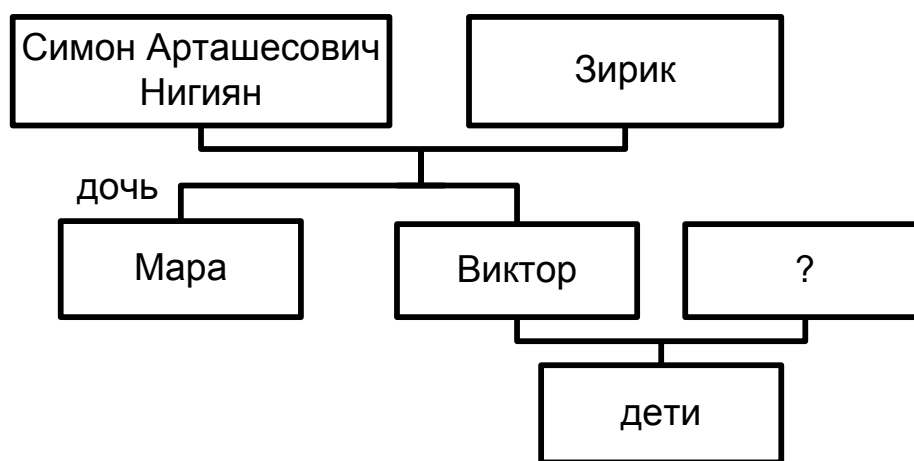

Рисунок 13 Семейство Симона А. Нигяна

Валерий, мой троюродный брат, показал себя хорошим родственником. Я помогал ему в подготовке кандидатской диссертации, посвященной вопросам производства и контроля интегральных микросхем.

Дочь тёти Сони, Мара, окончила консерваторию в Ереване. В начале 90-х годов её сын учился на факультете вычислительной техники Государственного инженерного университета Армении (ГИУА). Мне неизвестно, как сложилась их дальнейшая жизнь.

В преклонном возрасте Григорий Михайлович, живя в Ереване, заболел сахарным диабетом. Через несколько лет началась гангрена. Он хорошо представлял свою дальнейшую участь и, чтобы не мучить себя и близких, отказался от пищи и уморил себя голодом. На его похороны собрались многие родственники, в том числе младший брат тёти Сони, Рубен из г. Нальчика.

Тётя Соня дожила до старости. Она скончалась в 2001 году (если не ошибаюсь). Похоронена рядом с мужем в Ереване.

3.2.3 Симон Арташесович Нигиян

Симоник (как его называли близкие) родился ориентированно в 1927 году. Рано начал трудовую жизнь. Работал в системе элек-

тросвязи. Затем пошёл служить в военно-морской флот. Стал офицером. Это был пухлощёкий говорун с сильным голосом. Женился на девушке из Кировабада по имени Зирик. Демобилизовался из флота и работал по своей специальности. Они с женой купили дом с садиком по улице Зевина недалеко от дома моих родителей. У них родились сын Виктор и дочь.

В конце 70-х годов Симон побывал в гостях у дяди Корюна в городке Монтебелло под Лос-Анджелесом, США. Дядя Корюн принял его хорошо, но время от времени задавал Симону вопрос: «Почему из Советского Союза не приехал кто-нибудь из моих родных братьев, а приехал именно ты, Симон?» И дядя Корюн делал логический вывод: «Симон связан с КГБ!» Возможно, он был прав.

Жена Симона работала на вино-водочном заводе в городке Ханларе (8 км от Кировабада). В середине 80-х годов их семья продала дом и переехала в г. Ставрополь (если не ошибаюсь). В конце 90-х годов Симон скончался и, по-видимому, похоронен там, на Северном Кавказе. О судьбе его детей я не имею сведений.

3.2.4 Рубен Арташесович Нигиян

Рубик (как его звали родственники) родился в 1930 году в Кировабаде. Как и у старшего брата, Симона, детство было нелегким: заболел и рано ушёл из жизни отец. Семья нуждалась. Но целеустремленность и влияние матери помогли закончить школу. Он отслужил в армии и поступил в Московский строительный институт. С детства Рубен хорошо рисовал карандашом и красками, поэтому учился на архитектурном факультете. Окончив институт, был направлен на работу в г. Нальчик. Но жену взял из Кировабада. У него родились два сына. Старшего назвали Арташесом.

Благодаря способностям Рубен быстро выдвинулся по работе. Под его руководством был спроектирован новый микрорайон города.

Последний раз я встречался с ним на похоронах Григория Михайловича, мужа тётки Сони, Рубен прилетел из Нальчика в Ереван по поводу этого события.

Вот и всё, что я знаю о потомках Арташеса Соломоновича, брата моего деда Сантри.

Заключение

Старинный род Мелик-Бегляровых представляли люди сильные, смелые, деятельные и властолюбивые – как и подобало быть меликам. Последним носителем родовой фамилии в ветви Николая Александровича была моя мать Татьяна Николаевна Мелик-Беглярова.

Род Гукасовых был значительно моложе. Его представляли средние чиновники, военные и буржуазия. Это были люди также деятельные, умные и честные. Насколько мне известно, последними носителями родовой фамилии в России были женщины - моя бабушка Любовь Александровна и тётя Зюльфи.

Основоположниками рода Нигунц были братья-купцы. Благодаря сильной мужской линии род получил бурное продолжение. Его представителями были, в основном, интеллигенты: врачи, учителя, инженеры. Это были люди также умные, трудолюбивые, честные, преданные семье.

Все три рода объединяет также здоровье – физическое и духовное, высокие моральные принципы. И этим нужно гордиться.

Список использованной литературы

1. Раффи. Меликства Хамсы.-Ереван: Изд-во «Наири», 1991.- 240с.
2. Новиков-Прибой А.С. Цусима (в 2-х книгах) Книга первая.- М.: Изд-во «Правда», 1984.-с.237.
3. Перламутров В. Скромное обаяние золотого рубля.- Газета «Труд-7», 3 ноября 1995г., с.15
4. Дубинский-Мухадзе М.Г. Шаумян. – М.: «Молодая гвардия» - 1981. – 314с.

Содержание

Предисловие.....	2
Введение.....	4
1 Род Мелик Бегляровых.....	7
1.1 Николай Александрович Мелик-Бегляров (Коли-бек)	13
1.2 Лиля Николаевна Мелик-Беглярова.....	26
1.3 Татьяна Николаевна Мелик-Беглярова.....	27
1.4 Другие родственники Н.А. Мелик-Беглярова.....	32
2 Род Гукасовых.....	37
2.1 Николай Александрович Гукасов.....	48
2.1.1 Потомки Н.А. Гукасова.....	51
2.1.2 Михаил Александрович Декапрелевич.....	54
2.2 Любовь Александровна Гукасова.....	55
3 Род Нигунц.....	67
3.1 Александр (Сантри) Соломонович Нигиян.....	67
3.1.1 Рафаэль Александрович Никиян.....	78
3.1.2 Соломон Александрович Нигиян.....	82
3.1.3 Гурген Александрович Нигиян.....	87
3.1.4 Гагик Александрович Никиян.....	93
3.1.5 Корюн Александрович Нигиян.....	98
3.1.6 Александр Александрович Нигиян.....	101
3.1.7 Евгения Александровна Нигиян.....	105
3.1.8 Шмавон Александрович Нигиян.....	109
3.2 Арташес Соломонович Нигиян.....	109
3.2.1 Армен Арташесович Нигиян.....	110
3.2.2 Софья Арташесовна Нигиян.....	114
3.2.3 Симон Арташесович Нигиян.....	116
3.2.4 Рубен Арташесович Нигиян.....	117
Заключение.....	119
Список использованной литературы.....	120

Моя родословная

Никиян Николай Гагикович